

Служу Престолу и Отечеству

Автор:

Игорь Зурков

Служу Престолу и Отечеству

Игорь Аркадьевич Черепнев

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Бешеный прапорщик #4Боевая фантастика (АСТ)

Фронтальная жизнь тяжела и сурова, но там властвует только один древний, как мир, закон: «Убей, или будешь убит». Твой враг сидит всего лишь в ста шагах и целится в тебя. Но и ты знаешь, где он и что надо с ним сделать...

В тылу идет совсем другая, мирная жизнь. Но и здесь – тоже война и тоже фронт. Он невидим, но кровь льется настоящая. Пятая колонна отработывает полученные авансы и кичится своей подлостью. И пусть на них не надета фельдграу, но они – такие же враги. И, как когда-то было сказано, если враг не сдается, его уничтожают. И доступную за разумную цену «этуаль» полусвета, и банду революционеров, устроивших нападение на санитарный поезд, чтобы похитить дочь императора.

Дмитрий Аркадьевич Зурков, Игорь Аркадьевич Черепнев

Бешеный прапорщик. Служу Престолу и Отечеству

© Дмитрий Зурков, 2018

© Игорь Черепнев, 2018

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья помощь сделала книгу именно такой, какая она есть, и лично:

Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.

Глава 1

Как ни надеялся, что общение с миром криминала закончилось, через неделю во время обеда меня отловил Котьяра и передал записку, накорябанную на замызганной бумажке: «Мил чиловекъ приходи вечером в трактиръ есть разговор». На вполне закономерный вопрос, откуда у него этот шедевр изящной словесности, Федор объяснил, что вполне легально и с моего личного дозволения сопровождал Ганну до бакалейной лавки и обратно. Пока она закупалась всем необходимым, отскочил на секундочку, а когда вернулся, возле любимой невесты терся какой-то приבלатненный организм. На вежливый вопрос «Какого... ему здесь надобно?» странный тип вдруг решил обидеться и, нагнувшись, стал тащить из-за голенища нож. Кот не стал дожидаться продолжения и, слегка хлопнув по спине ладонью, помог согнуться еще ниже и упасть на пол. Пока собеседник обнюхивал его сапоги и раздумывал насчет вставать или нет, Федор согнул выпавшую железяку подковой и, кинув рядом, объяснил владельцу, где и в каких случаях тот может теперь ею ковыряться.

– Тот придурок был одет, как мастеровой? Клинок без упора, ручка красная, чуть-чуть изогнутая?

– Ага, он самый. – Кот в ответ утвердительно кивает. – Так он эту записку потом и отдал.

Вот ведь, бедный Штакет, что-то ему не везет в последнее время.

Вечер перестает быть томным, становится все интересней и интересней. И кому же я там очень срочно понадобился? Вернее – кому, это я и так знаю, а вот – зачем?..

– Командир, он еще передал, что можешь в открытую с парой-тройкой человек прийти.

Ага, и еще «пятерку» во внешнее оцепление для подстраховки взять, из тех, кому место уже знакомо. Мало ли что там лихие ребята надумали. И наверное, Валерия Антоновича в известность поставить...

Хоть господин капитан и сопротивлялся, сумел его уговорить, правда, масштабы пришлось немного поменять, брать не одну группу, а три, и добавить подвижный резерв на всякий случай. С мотивировкой типа – необходимо нарабатывать навыки боя в городе...

Внутри мы пошли вдвоем с Котярой, Михалыч с остальными растворился в сумерках где-то поблизости, в пределах прямой видимости. На входе в «кабинет» стояли старые знакомые – небритый и Штакет. Первый выглядел по-прежнему невозмутимо, но угрозой от него уже не веяло. Второй, завидев нас, злобно ощерился, но никаких опрометчивых действий предпринимать не стал. Задержавшись на секунду возле него, негромко советую:

– Слышь, Штакет, ты бы пореже за железяки свои хватался, глядишь, и целее был бы. Кто мешал на КПП прийти и записку передать?.. И научись разговаривать спокойно – пригодится для здоровья.

В комнатке за столом сидит уже знакомый по первому посещению пахан, рядом еще двое, судя по повадкам, – такого же ранга.

– Мир дому сему, люди добрые, – вежливо здороваюсь. – По какой нужде звал, уважаемый?

Вор знакомо усмехается уголком рта, затем отвечает:

- И тебе поздорову, мил человек. И хлопцу твоему того ж... Не спужался прийти аль своих привел ешо? Скока их щас здесь? И шо ж за люди такие у тебя, слова им не скажи, сразу в драку лезут?

- Достаточно, чтобы потом Комаровку заново отстраивать. А насчет драки - так это твой Штакет с его невестой грубо разговаривал.

- Это та, што ль, которую Беня в отступное требовал? Х-хе-х!..

Придерживаю набычившегося Федора, а то наломает дров... А также рук, ног и других удобных для этого частей тела.

- Ты ему вместо девчонки Штакетов нож покажи.

- Дык ведь тут вот какая закавыка... - притворно сокрушается собеседник. - Помер Беня-то, Царствие ему Небесное. Вот как тогда поговорили, оклемался чуток, да и пошел себе по улице. В темноте-то ямку не рассмотрел, оступился и упал. Как раз на ентый ножик.

Ага, как в том анекдоте - восемнадцать раз. И не царствие ему, а сковородку погорячее и черта пошустрее и посообразительнее.

- Что ж он так неосторожно? Я бы сам с ним еще разок побеседовал бы. Есть о чем.

- Да вот, не любят у нас таких, которые в три горла жрут и благо воровское по своим нычкам прячут. Не люди то, а крысы помойные... Ну, будет, лясы точить долго можно. - Старик замолкает, переглядывается со своими компаньонами, затем продолжает: - Звал я тебя, мил человек, потому как ты не лягавый, хоть и погоны носишь, нам с тобой по закону толковать можно. Беня перед смертью много чего интересного напел, да и жидовка эта старая недолго молчала, все его слова подтвердила, когда мы тут шмон устроили... Короче, глянь-ка вот. - На стол ложится тетрадка в засаленной обложке. - Ежели что непонятно будет, толмача, я чай, найдешь. А может, и мы ентова толмача тебе отдадим. Но при одном условии...

Жду продолжения монолога, вопросительно подняв брови. Что такого может быть в этой тетрадке и не развод ли это со стороны воровского мира?..

Пахан тем временем продолжает:

– В общем, ентая парочка не токмо нашим ремеслом промышляла. Гости к ним частенько приходили оттудова. – Старик показывает большим пальцем себе за спину. – И дела они крутили такие, што нам за них отдуваться не в цвет. Тута, в тетрадке, у них навроде книги бухгалтерской.

– Короче, офицерик, дай слово, што наших людишек не тронете и лягавых не пристегнете... – вступает в разговор один из молчащих «компаньонов». – Толковище у нас было, решили энтих германских сук вам отдать. Тута дела военные, шпиёнские, наше дело – сторона.

О как! Блатной люд решил купить свое спокойствие жизнями шпионов. Только вот интересно, каких?..

– Во-первых, я тебе – не «офицерик», обидеться могу сильно, имей в виду. – Пора показывать клыки, а то по-хорошему как-то не понимают. – Во-вторых, кто ты есть, чтобы я тебе свое слово давал? Я тебя не знаю.

Багровея, собеседник лезет из-за стола, но пахан его удерживает.

– Погодь, Хорь, не кипишись. С ихним благородием вежливо надоть, оне енто любить... А ты, мил человек, тож соображай, не шпана какая перед тобой. Коль нужна тебе ниточка к германским шпиёнам, так давай по-хорошему договариваться.

– По-хорошему может быть только так: отдаете мне энтих шпионов и то, что смогли узнать. Жандармов и полицию все равно придется подключить, но вот здесь даю слово, что вас им сдавать не буду... И еще, если на какую малину выйдем, где германских агентов привечают, – не обижайтесь, под молотки пойдут все.

– Ох и грозный ты, вашбродь! – насмешливо откликается третий вор, затем серьезнеет. – Мы за себя и своих людей говорим. А ежели кто попадется тебе,

значит не наш он, хоть режь его на ремешки, дело твое. Мы в обиде не будем.

Ну да, ну да, заодно расширите себе зоны влияния, убрав с нашей помощью конкурентов. Молодцы, хорошо придумали... Ладно, пусть их.

– Ну, если мои условия вам подходят, будем считать, что договорились. – Пора заканчивать балаган и двигать к себе.

– А насчет жирных бобров и шалав ихних... Взяли пару раз хабар с них. На то рыжѐ местным шалавам да грызунам долго корячиться надо было бы... – Старик довольно рассмеялся. Эта плесень что, меня теперь за наводчика держит?.. Козлина старый, тебе ж в ящик сыграть тоже недолго!..

– Ну, коль все согласные, бери тетрадку, щас Рахильку приведут, ее тож забирай, она много еще чего интересного напоеет. И скатертью дорога вам, гости дорогие!

Наверное, за занавеской наш разговор слушали, потому что бандерша уже стояла возле двери со связанными руками в сопровождении еще одного «бодигарда». Пахан вышел из кабинета, кивнул своим, мол, отдайте бабу. Я уже был на пороге, когда он негромко произнес:

– Короче, мил человек, где тебя найти – я знаю. Коль во мне нужда будет, зайди на базарчик на Ляховке, любому шнырю скажи, мол, Клеща ищут. Тебя проведут. Бывай покедова...

Тесной компанией мы прошли четыре квартала и остановились перед родным грузовичком, в кабине которого изнывал от нетерпения капитан Бойко.

– Ну, что? О чем была беседа, Денис Анатольевич? Все закончилось благополучно, я надеюсь? В том смысле, что ваши собеседники живы?

– Да, Валерий Антонович. Прежде чем рассказывать, прошу вас учесть – я дал им слово, что источники останутся неизвестными. Стало быть, дальше нас с вами подробная информация пойти не должна.

Бойко медлит с ответом несколько секунд, потом, соглашаясь, кивает.

– Блатные сдали нам кончик шпионской цепочки в обмен на свою неприкосновенность, и, как я думаю, стремясь нашими руками расширить свои «владения». – Поясняю, видя недоуменный взгляд Валерия Антоновича. – Если мы прихватим других уголовников вместе с агентами, те, с которыми я беседовал, постараются занять их место... Вот, «мамочка» Рахиль, старая знакомая. За нее, как за ниточку, потянем, узелок развяжется и клубочек размотается. И есть еще тетрадка, которую она поможет нам прочитать...

* * *

Утром ни свет ни заря капитан Бойко, осунувшийся и красноглазый после бессонной ночи, проведенной в попытках самостоятельно прочитать тарабарщину в тетради, вместе с поручиком Ломовым, который, как только сейчас выяснилось, помимо всего прочего отвечал еще и за контрразведку, появились, чтобы пообщаться с «мамочкой», которую на ночь доставили к нам и поместили под охраной в одной из пустующих казарм. Не думаю, чтобы для нее ночь была комфортной, потому как в сортир ее выводить никто и не думал, да и спать со связанными руками – то еще удовольствие. Тем более что, судя по ее походке, ребяташки Клеща неплохо поработали, не оставив, правда, явных следов воздействия на мордочке. Скорее всего, не из гуманности, а для сохранения товарного вида.

Но, несмотря на все недавние переживания и не совсем опрятный внешний вид, дамочка встретила наше появление довольно напористо и в лучших традициях российского либерализма стала качать права:

– Таки, господа офицеры, почему ви мене тута держали усю ночь? Ви миня похитили? Ви поверили етому старому шлимазлу Клещу, шо я могу быть как-нибудь виноватая? Да ни Боже ж мой! Как ви могли так подумать про честную женщину? Если ви так думаете, развяжите мене руки, отвезите в околоток, и пусть тама они проведут следствие, и таки усе станет понятно!

Вся эта скороговорка была выпалена со скоростью пулемета так, что только в конце, когда она сделала микроскопическую паузу, чтобы набрать относительно свежую порцию воздуха в легкие, мне удалось миролюбиво и вежливо дать ей дружеский совет:

– Рот закрой!..

Затем капитан Бойко, вежливо улыбаясь, начинает беседу:

– Видите ли... мадам, мы, конечно, можем передать вас в руки полиции, и пусть они дальше возьмется с этим делом. Но одновременно в той же «Минской копейке» появится статейка о том, как честная подданная Российской империи имярек помогла поймать шайку жестоких уголовников, грабившую и убивавшую ни в чем не повинных мирных обывателей... Интересно, как быстро после этого ваши дружки вас найдут?..

Тут же на контрасте с вышесказанным ору:

– Слушай сюда внимательно, старая сволочь!

Видно, интонация была подобрана правильно, бандерша беззвучно, как рыба, пару раз шлепнула губами, затем попыталась зафиксировать свои испуганно бегающие глазки на моей персоне.

– Я сейчас буду предсказывать твою судьбу. Варианта с полицией там нет и не будет. Зато есть два других. Первый – ты рассказываешь абсолютно все и, когда надобность в тебе отпадает, едешь в Сибирь убирать снег. Там его много, на несколько лет ударного труда тебе хватит. Второй – ты опять-таки рассказываешь все, что знаешь и о чем догадываешься, но сначала будет очень больно, потом – ужасно больно. А потом то, что от тебя останется, закопаем где-нибудь неподалеку. Без надгробия. Выбирай!..

Перед приходом сюда предложил Бойко и Ломову поиграть в старую, на мой взгляд, игру «добрый – злой». И теперь стараюсь соответствовать выбранному сценическому образу. Ну-с, начнем, первая часть Марлезонского балета...

Открываю дверь и зову заранее проинструктированного казака:

– Федотыч, братец, а всыпь-ка этой бабульке пару «горячих». За те Георгиевские кресты, что у нее нашли.

Сделав зверскую ухмылку и поигрывая нагайкой, приказный, не торопясь, подходит к пятящейся от него Рахили, затем молниеносно цепляет ее рукой за волосы, опрокидывает спиной вверх на пол и «крестит» сплеча двумя ударами... Вот это ультразвук!.. Как бы не оглохнуть с таких разговоров... Несколько

секунд жду, пока болевое воздействие начинает ослабевать, затем стараюсь припечатать коленом свежий рубец, не давая шевельнуться, и, нагнувшись, нажимаю пальцем хорошо знакомую точку на шее, одновременно вопя почти в самое ухо с явно выраженными истеричными нотками:

– Будешь говорить, тварь?!. Будешь или нет?!. Или тебе спину разукрасить так, как вы Данилке это сделали, а?!. Говори, сука!.. Я тебя на куски порежу!.. Я контуженый, психованный, мне ничего не будет!.. Да я тебя пристрелю сейчас!..

Наган уже в руке, выстрел бахает почти над самым ухом бандерши, потом, почти по Богомолу, сую дымящийся и пахнувший сгоревшим порохом ствол ей под нос и по-звериному рычу:

– Говори!!.

Сзади раздается характерный звук, догоняемый таким же характерным запахом, одновременно начинается пока еще невнятный, но уже диалог:

– А-а-а!!. А-ва-ва-а!!. Я-а-а!.. Са-а!.. Са-а-а!.. Я-а-а ска-а-ажа!.. Ска-ажу-у-у!.. Усе ска-ажу!..

Встаю на ноги, Валерий Антонович хитро улыбается, а Петр Иванович, играя роль этакого увальня, которым все это время талантливо притворялся, уккоризненно говорит:

– Ну что вы опять, господин подпоручик. Ну нельзя же так. Вам после контузии вредно волноваться. А то снова кого-нибудь пристрелите. Надо же держать себя в руках... – И обращается к ополоумевшей от страха бандерше: – Вы, мадам, его лучше не злите, он легко из себя выходит... Давайте лучше пойдем в другую комнату, там стол со стульчиками есть, сядем спокойно, вы нам все расскажете, тетрабочку поможете прочитать... А то вон господин подпоручик опять сердиться начинает. Вставайте, пойдемте быстрее от греха подальше!..

Через пару минут ко мне на крыльцо выходит Валерий Антонович, чтобы составить компанию в перекуре.

– Все, поет птичка... А в вас, Денис Анатольевич, пропадает актер, талантливо сыграли, даже я на миг поверил!

Старушка, спустя некоторое время, снова попыталась хитрить, но после того, как, усевшись на подоконник, я стал демонстративно делать вид, что вычищаю ножом грязь из-под ногтей, решила не искушать судьбу и раскололась по самый копчик. В ходе «чистосердечного признания» мы узнали достаточно много интересного. И о том, как ее дэфочкам, как она говорила, ставилась задача во время «работы» выпытывать данные о частях, прибывших в Минск, и о том, насколько легко перейти линию фронта под видом беженца или сбежавшего из плена, но, самое главное, – она назвала адреса троих связанных с ней людей, занимавшихся тем же, используя профессию в качестве прикрытия. Так что сегодня нам предстоит найти приказчика галантерейного магазина купца Рассовского, точильщика ножей с Ляховского рынка, фотографа с Захарьевской и побеседовать с ними примерно в таком же духе. Но одна из записей в тетради заставила меня сильно огорчиться: тому, кто узнает местонахождение некоего подпоручика Дениса Анатольевича Гурова, полагается вознаграждение аж в целых двадцать тысяч марок. Или я плохо работаю, или в германском генштабе сидят очень жадные люди...

Глава 2

Всех троих взяли достаточно легко. Точильщика Анатоля попросил заточить шашки в эскадроне, пожаловавшись на то, что только-только прибыли с передовой, где рубали германцев в капусту, завтра смотр, а оселки подрастерялись. Бедолага, даже не подумав снять лапшу с ушей, очень обрадовался и взвинтил цену в два раза, что тут же было с улыбкой принято. Так что мышка, радостно виляя хвостиком, сама побежала в мышеловку за сыром.

Примерно с таким же настроением за ним последовал мелкий пухлый типчик с прилизанными волосами, работавший менеджером в купеческой галантерее. Его приглашал я сам. Завалился в магазинчик, прикинулся фронтовым валенком, посетовал на дороговизну губернского города и предложил купить оптом новое солдатское бельишко, только что полученное со склада. Мол, надо отдохнуть по-человечески после окопов, а солдатики и старое еще постирают и попользуются. И лежит все рядом, в кузове авто, на котором ездил в цейхгауз. Так что надо

только выйти и посмотреть. Что тот радостно и сделал, даже в кузов сам вскарабкался. Где ему тут же связали ручки, сунули в рот тряпку, валявшуюся рядом, и надели на голову заранее приготовленный мешок.

Фотографа взяли последним. Тоже без лишнего шума. Пока он пытался выплюнуть половинку от шторы, плотно забитую в качестве кляпа, и что-то вякнуть о незаконности наших действий, мы с Петром Ивановичем быстренько обшарили его лабораторию и секретер, где в якобы потайном отделении и был найден конвертик с интересными и живописными видами Минска и окрестностей. На обороте фотографий стояли карандашные пояснения типа «Штабь Западного фронту», «Старья казармы Минскаго гарнизону», «Мость через Свислочь», «Гарнизонныя склады» и названия прочих военных достопримечательностей. Разбираться решили на базе, поэтому провели с маэстро те же манипуляции, что и с приказчиком, и через пару минут уже катили в Комаровку, нежно придерживая сапогами две трепыхающиеся на колдобинах тушки, лежавшие на дне кузова.

Сразу по приезде стали прессовать всю троицу, но гаденыши, как один, отмазывались тем, что их оговорили, и умоляли передать их в руки правосудия. Фотограф даже попытался угрожать, упирая на свои многочисленные личные контакты с различным начальством. Мы с Ломовым в очередной раз пролистывали тетрадь и прикидывали варианты расшифровки, пока Валерий Антонович ездил к господам из губернского жандармского управления. Отсутствовал он недолго, где-то через час вернулся с молодым корнетом. Последний представился Михаилом Владимировичем Астафьевым и, улыбаясь, поблагодарил нас за то, что позволили оторваться от рутиннейшего занятия по перлюстрации писем. Пока он вникал в суть дела и беседовал с пойманными, мне в голову пришла интересная мысль. Коей я тут же поделился с начальством. После недолгого раздумья капитан Бойко вынес вердикт, что хуже от этого точно не будет, и разрешил маленько порезвиться.

Быстренько нахожу нескольких добровольцев, умеющих держать язык за зубами, озадачиваю их небольшими земляными работами, после чего выписываю увольнительную, прилагаю к ней несколько купюр и отправляю Егорку на барахолку и в мясную лавку. Затем предупреждаю Ганну, чтобы ни в коем случае не выпускала до отбоя малышню из дома. Пока все трудятся, выковыриваю из десятка нагановских патронов пули. Между прочим, удовольствие еще то!..

После того, как корнет отправился устанавливать наблюдение за квартирами, согласившись оставить подозреваемых до утра у нас, пригласил Валерия Антоновича и Петра Ивановича на генеральную репетицию и прогнал перед ними весь мини-спектакль. Зрители были впечатлены, шокированы, эпатированы... В общем, услышал в свой адрес много незнакомых слов, но тон был доброжелательным. Разве что Ломов, не зная о моем происхождении, слишком близко к сердцу принял увиденное действо в стиле незабываемых девяностых и смотрел как-то странно в мою сторону... Поверил, однако!..

На месте мы были вовремя. Ровно в семь вечера Чернов должен привести всю компанию на «вечернюю оправку» к отхожим ровикам. Идти сюда от «тюрьмы» примерно пять-семь минут... Так, актеры – по местам!.. Егорка, переодетый в потрепанную полукрестьянскую-полумастеровую одёжку, стоя в яме, медленно орудует лопатой, выкидывая песок наружу, и громко причитает:

– Ну, ваше благородие!.. Ну, не виноватый я!.. Оговорили меня!.. Не шпиён я, вот вам крест!.. Смилуйтесь, ваше благородие!.. Родителей старых пожалейте, один я у них!..

Рядом с угрюмо-невозмутимыми лицами стоят двое бойцов, типа конвой с винтовками на плечах. Ну, и сам хожу туда-сюда с папиросой во рту. Краем глаза вижу Чернова, ведущего задержанных к месту действия. Легкие сумерки, расстояние – метров пятнадцать. Должно получиться... «Не замечая» прибывших, подхожу к краю ямы:

– Хватит уже копать! Будешь признаваться или нет, сволочь?.. Последний раз спрашиваю!

– Ваше благородие!.. Не убивайте!.. Христом-богом молю!.. Не шпиён я!.. – Егорка неподражаем в своей роли.

Достаю из кобуры наган, прицеливаюсь и стреляю холостым. «Шпион» падает вниз и быстренько скручивается калачиком в ближнем углу ямы, издавая душераздирающие крики. Стреляю еще два раза, потом слышен только сухой щелчок курка.

– Черт! Забыл зарядить!.. Хрен с ним! Добейте его, чтобы не орал!

Бойцы спрыгивают в яму и, скинув винтовки, начинают вонзять штыки в песок. «Шпион» тем временем продолжает арию умирающего, вопя под каждый удар, не забывая при этом брызгать из бутылки свиной кровью на сапоги и винтовки... Наконец, он издает великолепный «предсмертный хрип»... Конвойные вылезают из могилы, один берет лопату и начинает ее закапывать, другой помогает ему, обрушивая землю вниз сапогом. Все это делают, стараясь не попасть на Егорку, скрючившегося в заранее отрытой «норе».

Пора переключать внимание на себя, зрители, кажется, очень впечатлились... «Вдруг» замечаю всю подошедшую компанию и обращаюсь к Чернову:

– Твою такую-растакую... Унтер! Какого хрена ты их сюда привел?! Сказано было – завтра, значит – завтра!.. Мне что, теперь ждать, пока каждый себе по могиле выроет?..

– Так эта... Ваше благородие... Их же до ветру надобно было вывести... Засрут же ночью всю камеру... – Михаил, играя свою роль, испуганно оправдывается.

– Ну, так чего стоим? Гони их, пусть опростаются! А завтра... – Задумываюсь, затем небрежно машу рукой. – Нет, один хрен, не признаются... Завтра поутру сюда их, да лопаты не забудь. У меня днем куча дел, а тут еще с этой сволотой возись!.. Давай командуй... На opravку...

Оборачиваюсь к конвойным:

– Закончите, и в казарму! В порядок себя привести не забудьте!.. Да, и подойдете к фельдфебелю, скажете, что от меня – по чарке. Ну, и завтра, думаю, голодными не останетесь...

Теперь – последний штрих. Бойцы, проходя мимо «зрителей», должны выдать между собой диалог типа:

– Совсем озверел их благородие, за два дни пятого лично кончает.

– А шо ты хотел? Из-за них почти что вся рота в окопах полегла. И сам он чудом жив остался.

– Ну дык не самому же, ахвицер все-таки.

– Эт-та ты брось. Наш командир не из благородных, кровью выслужил. За солдат горой стоит и предателей жуть как не любит. Вона как...

Как потом рассказал Чернов, все четверо с большим удовольствием оправились всеми возможными способами и очень шустро понеслись в «тюрьму» думать. А чтобы мысли текли в правильном направлении, Михаил попозже притащил и кинул в камеру одеяло, оставшееся от «шпиёна», с многочисленными слегка подзасохшими пятнами крови. Мол, пригодится напоследок. Под голову там свернуть вместо подушки аль накрыться, чтоб теплей было. В любом случае до утра там будет пахнуть свежей кровищей. Была еще идея посадить возле двери кого-нибудь, чтобы слушал и стенографировал, но все беседы велись шепотом...

Утром Бойко с Ломовым и прибывшим корнетом еле успевали фиксировать на бумаге исповеди горе-шпионов. У меня даже возникло ощущение, что присутствую на Брейн-ринге, где даже доля секунды имеет значение. Помимо, разумеется, правильных ответов. Самым ценным собеседником оказался фотограф, который, оказывается, был напрямую связан с резидентом, роль которого исполняла люблинская проститутка Мария Цибульская, фланировавшая между Минском, Столбцами и Несвижем. Все известные ему осведомители замыкались на нее, а уж куда дальше тянулась ниточка – это надо было спрашивать уже у мадам, которая, по словам фотографа, должна была приехать завтра-послезавтра. Во всяком случае, прижимая изо всех сил ручонки к груди и боясь встретиться со мной взглядом, этот умник клялся и божился, что начиная с завтрашнего вечера он должен был появляться возле дома Фельдмана по Старо-Виленской, двадцать шесть, и справляться о прибытии дамочки.

Масштабы заварушки уже превосходили наши скромные возможности, поэтому Валерий Антонович решил еще раз связаться с жандармским управлением города и передать им инициативу. На мой недоуменный вопрос насчет контрразведки фронта с горечью заметил, что после убития Батюшина разведкой Западного руководит подполковник Базаров, человек очень несамостоятельный, малоэнергичный и нерешительный, а корнет Астафьев поспешил нас заверить, что им не впервой заниматься подобными делами.

– В прошлом году мы задержали некую девицу по имени Антонина Кедыс, которая слишком много времени проводила в постелях господ офицеров. И не просто проводила, а выпытывала у них сведения военного характера. Когда ее

как следует допросили, оказалось, что никакая она не Кедыс. Настоящее имя – Эрма Ляудер. Родилась в Тильзите в семье торговца лесом. Закончила лётную школу. Весь позапрошлый год провела в шпионских полетах над Ковенской и Гродненской крепостями. А в начале войны по поддельным документам пробралась в Минск, чтобы собирать разведданные не в небе, а в офицерских койках. Может быть, и потому, что с объявлением войны барышень официально отстранили от полетов...

– Интересно, Михаил Владимирович, и как же вы убедили ее быть откровенной? – Никаких подвохов, меня интересует только техническая сторона дела.

– Ну, Денис Анатольевич, у каждого могут быть свои профессиональные приемы... Вы же не рассказываете, как поспособствовали искреннему раскаянию сегодняшних клиентов и почему они ежеминутно на вас со страхом оглядывались...

* * *

Через два дня корнет Астафьев вновь появился у нас в гостях. Прибыл в компании ротмистра той же ведомственной принадлежности, отрекомендовавшегося Колесниковым Иваном Даниловичем, и капитана Бойко. И привезли данные господ интересны новости. Оказывается, интересующая всех нас мадам Цибульская вчера прибыла в город. Остановилась по адресу, указанному фотографом, который теперь, со слов ротмистра, в поте лица работал на жандармское управление.

– Вы, господа, так напугали беднягу, что, попав в настоящую камеру, он был безмерно счастлив. – Иван Данилович весело улыбается, затем продолжает: – Честное слово, первый раз видел человека, рвущегося за решетку... Впрочем, там он пробыл недолго, сразу на допросе рассказал все, что ему было известно, и, представьте, сам предложил сотрудничество!

– Наверное, очень хочет жить, – выдвигаю логическое предположение. – И вы ему поверили?

– Нет, конечно, за ним уже два дня ходят опытные филеры. И докладывают нам буквально обо всех его действиях. Кстати, на квартире был проведен

тщательный обыск, нашли несколько фотографических пленок, на которых оказалось много занимательных штукенций. Валерий Антонович вам потом все подробно расскажет...

Интересно, это у жандармов профессиональное – говорить ни о чем, рот не закрывается, а конкретной информации – ноль... Хотя – нет, пошла инфа!

– ...квартира, где поселилась мадам, часто используется господами революционерами для своих конспиративных сходов. Интересное совпадение, не находите?

М-да, действительно, может не так уж не правы были «независимые СМИ», которые с пеной у рта клеймили большевиков как германских агентов? И ведь никто не отрицал тогда, что ехали отдельные «товарищи строители светлого будущего» в опломбированном вагоне через весь рейх. Интересно, кстати, почему всякие пустозвоны где-то по Цюрихам и Женевам шикуют за партийный счет, а один из очень немногих нормальных революционеров-реформаторов Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин в Туруханском крае ссылку отбывает?.. Ладно, это – потом, на досуге. Слушаем дальше.

– ...На сегодняшней вечер заказала столик в ресторации Общественного собрания. Думаю, будет искать подходящего болтуна, это их обычная манера работы. И в связи с этим у нас появилась идея, с которой, собственно, к вам и приехали... Мы, конечно, можем арестовать ее в любой момент, но конкретных улик – пока кот наплакал... Поэтому мы и хотели предложить кому-либо из вас поработать этими болтунами. Прошу не обижаться, господа...

Смотрю на Валерия Антоновича, тот чуть заметно кивает, значит, он в курсе предложения и – за. Анатолий – тоже не против, стоит и уже предвкушает предстоящее действие... А почему бы и нет? Но сначала будем задавать вопросы.

– Скажите, Иван Данилович, а почему вы сами не можете этого сделать?

– Дело в том, Денис Анатольевич, что определенные персоны нас уже знают в лицо. И это – вовсе не обязательно представители преступного мира. С господами из Военно-промышленного комитета и Земгора тоже подчас приходится довольно тесно общаться. И я бы не сказал, что общение это приятное.

– А что так? Хамят? Так это у них за храбрость считается.

– Нет, дело не в этом. Просто чувствуешь бесполезность такой работы. Поймаем рыбку покрупнее, а сверху тут же окрик грозный – не смей!.. В общем, давайте оставим эту тему и вернемся к нашему предложению.

– Хорошо, что конкретно мы должны сделать?

– Нами там же заказан столик, нужно изобразить компанию офицеров-фронтовиков, отдыхающих на всю катушку. Это касается всех. А вам, Денис Анатольевич, – особая задача. По замыслу вы должны обмывать... ну, к примеру, орден. При этом будет провозглашена здравица в вашу честь, но так, чтобы услышали в зале. Насколько я помню, за подпоручика Гурова обещано двадцать тысяч марок. Думаю, она клюнет, тем более что ваша компания пригласит ее за свой столик. Любая информация о вышеупомянутом офицере и местонахождении его отряда будет высоко оценена германцами, а уж если удастся захватить его самого или уничтожить отряд...

– Интересно, и как же они будут его уничтожать? Всякие приказчики, фотографии и точильщики кинутся на штурм со всех сторон? Если мы и помрем, то только от смеха.

– Вы, Денис Анатольевич, на довольствии где стоите? Продукты на складах получаете? – Штаб-ротмистр не принимает моего веселого тона и спрашивает вполне серьезно: – Мы как раз недавно общались с господами из Союза земств, которые нашли очень уж выгодных подрядчиков для поставки муки, естественно с выгодой для себя... Только вот в ту муку, как потом оказалось, толченное стекло было подсыпано. Теперь понимаете, о чем я?.. И связь с германцами там явно прослеживалась.

Охренеть!!! Ну ни хрена себе новости!.. Как далеко все запущено в наших тыловых структурах!.. Как-то не могу себе представить, чтобы в любой другой армии такое было возможно! Тут же виновники флюгерами на виселицах стали бы работать! Это только у нас, на Руси-матушке, всякие твари, «родства не помнящие», кичась своим благородным происхождением, баблом и еще хрен знает чем, могут так!.. С-суки, перестрелял бы всех на хрен!..

– Ну что ж, я согласен... Поиграем малость... В пределах дозволенного.

– С вами поедет Михаил Владимирович. – Ротмистр кивает на Астафьева. – Он у нас недавно, еще не примелькался, переоденется в кавалерийскую форму, составит компанию Анатолию Ивановичу. На месте будут еще наши люди, ведите себя естественно. Помните, вы – фронтовики, желающие хорошенько отдохнуть после грязи окопов и ужасов войны. Скорее всего, мадам захочет поближе с вами познакомиться... Как бы это сказать?.. В более уютной и... интимной обстановке. Предложит поехать к ней на Старо-Виленскую. Не отказывайтесь, постарайтесь выкрутить из данной ситуации максимум пользы.

Ага, ни в чем себе не отказывайте и совместите приятное с полезным! Только вот изображать лося в период гона не собираюсь, всему есть предел.

– Само собой, все будет финансироваться по нашему ведомству, без ограничений, но в меру... Какие-то просьбы и пожелания у вас имеются?

– Не подскажете адреса охотничьих и оружейных магазинов в городе, Иван Данилович? – Видя его недоумение, объясняю: – Недавно приобрел достаточно редкую вещь, к ней нужны шпильчатые патроны. Может быть, где-нибудь и найду.

– Вы, случайно, не про «Апаш» Лефосе говорите? Хорошая штучка, да и полезная в предстоящем деле. – Ротмистр обращается к корнету: – Михаил Владимирович, не сочтите за труд, помогите Денису Анатольевичу. Итак, господа, прошу всех быть готовыми к шести часам вечера...

Глава 3

Без четверти семь к входу в ресторан подкатывают две пролетки, из которых высаживается десант в составе четырех уже хорошо подгулявших господ офицеров.

– Хвалю, любезный! С ветерком прокатил!

– Вас подождать, ваши высокоблагородия? – Старшему «бомбиле» ужас как не хочется терять таких выгодных клиентов, даже в званиях нас повысил.

– Нет, мы здесь надолго... Вот, получи...

Сунув лихачам по «синенькой» и радостно переговариваясь, компания устремляется внутрь – продолжать праздник жизни. Низенький полный мэтр очень вежливо провожает нас за предназначенный столик и улетучивается, пообещав на прощанье прислать официанта, который буквально тут же вырастает как из-под земли. Оживленно споря, делаем заказ, вполне соответствующий аристократически белоснежной скатерти с шикарной сервировкой, и в ожидании материализации чуда с интересом осматриваемся вокруг. Блин, как же я со всеми этими приборами обращаться буду? В данной области – полный пробел в воспитании! Придется присматриваться к действиям других, чтобы случайно по незнанию вилок для рыбы не хватать какой-нибудь шматок сала.

Ресторан выглядит непривычно и как-то даже величественно. Довольно уютное чистое помещение с большими окнами, обрамленными тяжелыми портьерами, яркий электрический свет дробится тысячей лучиков в хрустальной люстре под потолком, отражается в натертом до зеркального блеска паркете из натурального дуба. В углу, на небольшом подиуме, расположился скрипично-виолончельный квинтет. Хотя – нет, там еще вроде флейта наличествует. Играют что-то негромко-спокойное. Пока... Скоро, ребята, мы и до вас доберемся!

Свободных столиков – всего два, остальные заняты блестящими представителями губернского интендантства – куда ж без них-то, бравых героев – земгусаров. Пока все тихо, спокойно. Никто не хохочет, не визжит, не лезет лобызаться через стол, не спит лицом в тарелке. Старших офицеров нет, значит, можно слегка расслабиться, чем Анатолий тут же пользуется:

– Господа, вы уверены, что здесь достаточно приличное место? Excusez-moi[1 - Простите (фр.).], но мне показалось, что потянуло этаким крысиным складским душком. – Поручик, играя по сценарию роль бретёра, нагло и бесцеремонно оглядывает весь зал. – Не находите, что присутствие этих господ здесь вовсе не обязательно?

– Анатолий, друг мой, успокойтесь. – Валерий Антонович заступает за тыловики, притихших от осознания того, что «здесь вам – не тут» и перчаточки с папай, поднесенные в дар какому-нибудь его превосходительству, в данном конкретном случае не сработают. – В конце концов, потерпите чуть-чуть, скоро придет время – доберемся и до них. Вот тогда будет вам карт-бланш.

Пока господа офицеры развлекаются беседой, не обращая внимания на бледнеющие и зеленеющие мордочки за соседними столами, вопросительно смотрю на корнета. Астафьев отрицательно качает головой, значит, наша мадам еще не прибыла. Ну что ж, начинаем пока разминаться беленькой... Прозраченькой и чистенькой водичкой, припасенной для такого случая. Запах от нас есть, перед отъездом «замаскировались» по паре рюмок, Ганна сделала что-то вкусное на закуску и пообещала, что не так сильно будем пьянеть. Дежурная бутылка уже стоит открытой, рюмки налиты, на столе одновременно с ней появилось блюдо с нарезанной ветчиной и прочими вкусными изделиями из хрюшки, буренки и кого-то еще. Смотрю на действия старших товарищей и повторяю за ними. Ох, ну и морока! Взять с тарелки с нарезкой отдельной «общей» вилкой буженинку, положить себе на небольшую тарелочку, затем в руки – уже индивидуальная пара «вилка – нож». Отрезать маленький, на «один кусь», ломтик, отправить в рот, заедая такой же микроскопической порцией хлеба, отломанной от кусочка, лежащего на отдельном блюдце. Бр-р, как так можно наестся? То ли дело в походных условиях! Копаешь ложкой тушенку из банки, пока донышко не покажется, – вот и весь этикет...

Корнет пару раз негромко цокает вилкой по тарелке, привлекая внимание. По глазам вижу, что начинаем игру. Делаем вид, что оживленно болтаем, выдерживаю паузу, затем рассеянно оглядываюсь. За одним из пустующих столиков уже сидит клиентка. Дамочка на вид лет двадцати пяти – тридцати, выглядящая достаточно эффектно и красиво. По-моему, таких, как она, скоро будут называть *la femme fatale*, или леди-вампи. Изысканное платье с претензией, наверное, на парижскую моду последнего сезона, яркий макияж с вызывающей карминовой помадой и специально подрисованные черным глаза.

Элегантно-хищная грация пантеры, томный взгляд кошки, ясно говорящий о том, что она не оставит ни малейшего шанса никому, и притягивающий взоры почти всех присутствующих мужчин, как магнит. Ее поза, движения, манера держаться – все говорит о том, что она видит всех насквозь, заставляет трепетать от самых неприличных и потаенных чувств, рождающихся в одурманенных алкоголем и гормональными взрывами мужских головах, да и не только там... Да, красивая,

холеная, изящная... самка, от которой за версту прёт сексапильностью. В голове – только холодный аналитический расчет, никаких эмоций. Типа – бизнес, ничего личного. Этакий биоробот, работающий по однажды заложенному алгоритму... Ну что ж, попробуем поменять программное обеспечение.

Идя на посылаемые флюиды, как корабль на свет маяка, к ее столику пытается пришвартоваться уже изрядно пьяненький чинуша из интендантского управления. Блин, так он всю игру может нам испортить! Смотрю на Михаила Владимировича, тот успокаивающе улыбается, мол, все под контролем. Возле дамочки уже никого нет, видно, господин был вежливо послан по старому, как мир, маршруту. Дольский разливает по рюмкам уже настоящую водку, Валерий Антонович встает и так, чтобы было слышно не только за нашим столом, провозглашает тост за победу русского оружия. Дружно подрываемся, лихо выпиваем, пьяно рявкаем троекратное «Ура!», затем плюхаемся обратно и начинаем закусывать, оживленно дискутируя на тему якобы предстоящего наступления. Оборачиваюсь в очередной раз и ловлю на себе равнодушный взгляд мадам, который тотчас перескакивает на капитана Бойко, направляющегося, слегка пошатываясь, к оркестрантам. Ну да, какой-то подпоручик и капитан с аксельбантом Генштаба. Почувствуйте разницу, как говорится.

Взгляд дамочки вызывает ассоциацию с командиром подводной лодки, высчитывающим в перископ дистанцию и пеленг на цель. Валерий Антонович, давя авторитетом погон и состоянием подвыпившего офицера, заставляет музыкантов исполнять «Песнь о вещем Олеге», неловко дирижируя и фальшиво напевая. Тут же в три глотки поддерживаем командира, заставляя в очередной раз недовольно замолчать компании за соседними столами. Всецело отдаемся музицированию, пока не кончается песня. Дольский разливает очередную порцию, Бойко, сунув главному маэстро в руку ассигнацию, возвращается к столу. Не садясь, подхватывает рюмку и с той же громкостью произносит тост-поздравление:

– Желая еще раз поздравить вас, сударь, с получением высокой награды! Право же, подвиги вашей роты и вас лично оценены по заслугам!.. Здоровье подпоручика Гурова, господа! Денис Анатольевич, давайте по-нашему, как на передовой!

Опять подрываемся с мест, и все орут «Ура!» уже мне персонально. Беру фужер с водой, ставлю на правое предплечье ближе к локтю, зубами захватываю

ободок, резко запрокидываю голову, выпивая содержимое без помощи рук, затем подхватываю и ставлю на место. Немножко изящнее все-таки, чем Яшка-Цыган в «Неуловимых». Компания хлопает меня по плечам и выдает бурные и продолжительные аплодисменты... Давнишний чиновник подкатывается к нашему столу с просьбой-порицанием:

– Господа, господа! Будьте так любезны, немного потише! Мы, конечно, понимаем-с, что офицерам, прибывшим с фронта, необходимо отдохнуть-с, но, право же слово, не так громко!

– Эт-то кто мне здесь будет указывать, что громко, а что – нет?! – Анатолий вылезает из-за стола и медведем нависает над низеньким просителем. – Вы, кх-м... сударь, хоть раз были под артобстрелом?.. Вот там действительно громко! Здесь по сравнению с окопной жизнью – вообще мертвая тишина!.. А если кому-то не нравится, как мы себя ведем... – *je vous prie*, [2 - Я прошу вас... (фр.)] пожалуйста – к барьеру!!

– Ах, боже мой, господин поручик, прошу вас... Вот-с, например, даме, кажется, не нравится ваш шум...

Дольский небрежным движением руки отстраняет чинушу, заинтересованно смотрит на мадам, затем щелкает пальцами, подзывая официанта:

– Ну-ка, милейший, бутылку самого лучшего шампанского за тот столик!.. Мигом у меня!.. Аллюром – марш!

А дамочка уже не так равнодушно смотрит на нашу компанию. Глаза – как два прожектора в ночной тьме, высвечивают каждого из нас по очереди. Ключула рыбка? Вот сейчас и проверим...

Обогнув «замершего в восхищении» Анатоля, подхожу к столику и слегка заплетающимся языком выдаю очень вежливую, на мой взгляд, фразу:

– Сударыня, будьте милосердны! Покорнейше просим-с простить за некоторый шум!.. Сейчас идет война-с, а в случае боевых действий все ценности империи, и именно такой восхитительный бриллиант, как вы, должны быть под защитой армии. Снизойдите к нашим мольбам-с и украсьте своей фантастической красотой скромное общество офицеров-фронтовиков!.. Пзвольте ручку-с

облобызнуть!..

Мадам выжидает, как бы в раздумье, отрепетированные несколько секунд, затем с милой улыбкой соглашается и протягивает мне руку, чтобы помог ей встать. На столе усилиями официанта, подгоняемого Дольским, тут же материализуется еще один столовый прибор в компании с обещанной бутылкой шампусика, вся компания вежливо встает и по очереди представляется гостье. Меня она выслушивает внешне равнодушно, только глаза на миг вспыхивают то ли торжеством, то ли азартом. Сама же в ответ представляется баронессой Амандой Леопольдовной Вэльо. Ага, почти баронесса фон Грей фон Штурм или маркиза дю Карамболь из «Летучей мыши». Интересно, почему эти дамочки любят представляться всякими титулованными фамилиями с пышными, хоть и мифическими родословными? Потому что их профессия начиналась с того, что упомянутые бароны их пороли и имели на своих конюшнях? Или это просто зависть к аристократии?..

Оркестр негромко наигрывает мелодии из популярных оперетт. Накатив очередную рюмку за знакомство, продолжаем начатый ранее разговор о военных делах. Сначала Валерий Антонович делится очень секретными сведениями о готовящемся наступлении 4-й армии и о том, что мы, в смысле, наша 2-я будет наносить отвлекающий удар. Затем эстафету принимает наш лихой кавалерист Дольский и в течение пятнадцати минут вешает лапшу на уши баронессе в лучших традициях армейского трёпа. Дамочка уже влилась в диспут и пытается даже им руководить, во всяком случае, задает достаточно хитрые вопросы, вынуждая нас спорить друг с другом. Почему-то на ум приходит сравнение с богиней раздора Эридой... или ее земной коллегой Клеопатрой из «Египетских ночей». Как там у господина Пушкина?

Скажите: кто меж вами купит

Ценою жизни ночь мою?..

В нашем случае вместо жизни объектом торга, наверное, является важная информация... Все остальное – аналогично. Дождавшись окончания очередной байки Анатоля с подыгрывавшим ему корнетом, «баронесса» атакует меня:

– А почему вы, Денис Анатольевич, молчите? – Дальше интонация становится кокетливо-капризной. – Расскажите же что-нибудь про свои подвиги! Ведь, насколько я понимаю, вас наградили орденом?

– Я не совершил ничего особенного, мадам. Как говорят наши союзники, ? la guerre comme ? la guerre... Мы стреляем, в нас стреляют...

– Извините его, баронесса, Денис Анатольевич у нас – известный скромник. – Капитан Бойко начинает потихоньку раскрутку темы. – А между тем на счету его роты, да и лично его самого, немало славных дел в тылу у германцев... Ну же, подпоручик, расскажите про последний рейд!

– Валерий Антонович, вы же прекрасно все знаете... Ну, повоевали малость. Обозы германские громили, несколько артиллерийских батарей уничтожили, железнодорожную станцию взорвали. Да и так по мелочи порезвились... – Пытаюсь выглядеть подвыпившим, обиженным и непризнанным гением. – И дальше бы тевтонов громили, если бы не этот чертов... Пардон, мадам!.. Этот англичанин. Как его... лейтенант Джеймс Бонд. Бросай всё, сиди и жди, пока эта подлодка не приплывет... И что это за формулировка: «Поступаете в полное распоряжение...»? Да он не то что с нижними чинами, со мной обращался, как со слугой... Ничего не объясняет, только командует... Вся рота – как его личный почетный эскорт, без разрешения никуда не отлучаться... Как бараны, сидим несколько дней на одном месте, вокруг германцы туда-сюда ходят, а мы в кустиках отдыхаем... Потом пароход этот, корыто старое, захватываем неизвестно зачем... А потом мистер Бонд перегружает на подводную лодку пару каких-то ящичков – и нет чтобы уплыть вместе с ними на свой Туманный Альбион, тащится с нами в Ново-Георгиевск. Слава богу, хоть там от нас отвязался, сразу к генералам кинулся... Еще пару дней, господа, и, честное слово, – не выдержал бы!..

– Ах, Денис Анатольевич, вы так интересно рассказываете! – Баронесса аж раскраснелась от удовольствия, в смысле, волнения. – Но прошу меня простить, я вас покину, господа, на одну минуточку!

Проводив взглядами удаляющуюся фигуру, негромко переходим на трезво-серьезный тон, пока есть время.

– По-моему, она в достаточной степени уже заинтригована. – Валерий Антонович довольно потирает руки. – И в качестве жертвы выбрала вас, Денис Анатольевич. Так что нам осталось только чуть-чуть подыграть и удалиться...

Мимо нашего столика проходит давешний складской хомяк, останавливается и начинает пьяно разглагольствовать про единение боевых офицеров и доблестных кладовщиков в погонах, одновременно роняя на стол перед Астафьевым маленькую бумажку. Чирикнув напоследок еще пару ничего не значащих фраз, чинуша удаляется на свое место. Корнет разворачивает записку, затем негромко поясняет:

– Мадам куда-то телефонирует. Абонента узнаем чуть позже... Что вы так улыбаетесь, Денис Анатольевич?

– Да вот вспомнил по подходящему случаю анекдот... Некий господин сидит в ресторане с дамой, и приспичило ему... по малой нужде. Но ведь надо как-то объяснить это спутнице, вот он и говорит: «Простите великодушно, мадам. Я вынужден вас покинуть буквально на минуточку, дабы помочь одному своему другу... С которым надеюсь познакомить вас чуть попозже...»

Кажется, обстановку разрядили, все ржут. Чуть позже возвращается с довольным видом баронесса, и спектакль продолжается. Пока мы с Дольским соревнуемся в армейском красноречии, Валерий Антонович вновь идет терроризировать музыкантов. После недолгих переговоров, где главным аргументом послужила пара «красненьких», капитан с довольным видом возвращается на место, а спустя минуту главный маэстро, тихонько наигрывая модный и популярный романс «Сияла ночь» на слова Фета, неторопливыми шагами приближается к нашему столику, на зависть высокопоставленным зрителям портянок, не догадавшимся или не успевшим заказать что-нибудь из музыки своим фифкам. Старый седой музыкант, обойдя наш столик, останавливается перед баронессой, и его скрипка начинает выдавать красивую импровизацию на мелодию романса. А мне почему-то вспоминается старый скрипач, повесивший сюртук на спинку стула, про которого пел Константин Никольский...

Улучив минутку, под благовидным предлогом покидаю разудалую компанию и спешу в туалет – кое-что дополнить в своем костюме в районе брючного ремня. В коридоре меня останавливает тот самый «хомяк», который пытался клеиться к нашей даме. Совершенно трезвым голосом шепчет:

– Мадам звонила на Старо-Виленскую. Все идет по плану...

Молча киваю в ответ. А с виду и не скажешь, что он из Отдельного корпуса. Ладно, у них своя работа, у нас – своя... В туалетной комнате быстренько произвожу все необходимые манипуляции, затем оглядываю себя в зеркало. Внешне ничего не видно, только полы кителя снизу чуть-чуть раздвинуты. Да оно и понятно. Спокойно сидеть рядом с такой... кх-м... женщиной может только полный импотент. Во всяком случае, она так считает. Вот и не будем ее разочаровывать. Еще раз оглядываю себя в зеркало и иду обратно.

За столом продолжается оживленный разговор, в котором тут же приходится принять самое активное участие. Баронесса с невинным видом подкидывает очень заковыристые вопросы, ответы на которые граничат с разглашением секретных сведений. При условии, что эти сведения правдивы и соответствуют действительности, а не сочинены вчера вечером специально для такого случая. Мое появление встречено ослепительной и очень многообещающей улыбкой, а затем следуют новые проявления простодушного дамского любопытства. Блин, ей что – лекцию о проведении диверсионных действий прямо здесь прочитать?..

Разговор прерывается алкогольной паузой, в смысле – налить, выпить и закусить, затем возобновляется.

– Денис Анатольевич, расскажите еще что-нибудь о своих подвигах! Когда я буду на ближайшем балу у... княгини Оболенской, то обязательно блесну знакомством с такими героическими боевыми офицерами. – Мадам моментально переключается с Валерия Антоновича, которого только что пыталась обаять с целью вызнать ближайшие планы командования армии, на мою скромную персону. – Это же так романтично! Красться в ночной тьме к вражескому бивуаку, замирая при каждом шорохе... Внезапно напасть и захватить в плен какого-нибудь важного штабного офицера с множеством секретных документов... Рискую жизнью, доставить пленного к своему начальству...

Кажется, дамочка достаточно серьезно информирована. И достаточно самонадеянна, рассчитывая на наше опьянение и невнимание. Очень хочется пристально прищуриться и задать вопрос, традиционный для всех поколений контрразведчиков: «А с какой целью интересуетесь?» Но вместо этого начинаю пьяно-хващливо рассказывать о том, как в некоей усадьбе некоего аристократа... Пардон, но вы же понимаете, мадам, что это очень секретно и – т-с-с, никому!.. Так вот, в его замке мы захватили в плен целого оберст-лётнанта, который оказался начальником оперативного отдела какого-то там корпуса... Уже и не помню какого... А, ну да, германского, разумеется, спасибо, Анатолий,

что напомнил... Так вот, мы еле ноги унесли от погони... Или погоня от нас?.. Нет, скорее мы, – их было гораздо больше... И выручили как раз драгуны Анатолия Ивановича, рванувшись в контратаку на преследовавших нас рыцарей Тевтонского ордена... Что?.. Их давно уже не существует?.. Пардон, господа, – тогда германских кирасиров... Как, их тоже там не было?.. Ну, тогда...

Мой алкогольный бред прерывается в результате появления нового действующего лица. Молодой щеголеватый поручик, придерживая рукой шашку, останавливается на входе в зал, окидывает взглядом всех сидящих, затем, увидев машущего рукой капитана Бойко, быстренько подходит к нам.

– О, Игорь Николаевич!.. Какими судьбами?.. Вы же, кажется, сегодня дежурным адью... адью... адъютантом?.. Впрочем, неважно!.. Ф-фициант!.. Еще один прибор за стол! Живо!.. Присаживайтесь, га-аспдин поручик, поднимите чару за компанию!.. – В меру сил пытаюсь изображать, что меня понесло, развезло и окосевшую тушку можно брать голыми руками.

Талантливо изобразив на лице мимолетную брезгливую гримасу, дежурный адъютант командующего решает не замечать пьяного в зюзу подпоручика и обращается к капитану Бойко, как старшему по званию, но так, чтобы всем остальным хорошо было слышно:

– Валерий Антонович! Насилу вас разыскал!.. Командующий приказал срочно собрать всех офицеров штаба. Из Ставки получен секретный приказ... Только между нами: его императорское величество отстранил великого князя Николая Николаевича от поста главкома и сам принял Верховное командование... Авто ждет.

Ну, для нас это – не секрет, приказ доведен еще утром, но многозначительно сгустить таинственность можно. В интересах дела...

– Анатолий! Собирайся, нас вызывают в штаб! – господин капитан окликает Дольского, который тем временем буквально раздевает взглядом баронессу. – Мадам, покорнейше прошу простить, – служба.

Дамочка в свою очередь переводит несколько растерянный взгляд с Бойко на меня и обратно. Похоже, находится в роли Буриданова осла, не зная, кого выбрать. С одной стороны – капитан-штабист, прекрасный долгоиграющий

источник сведений, с другой – пьяная тушка подпоручика, за которого обещаны очень неплохие деньги. В конце концов Валерий Антонович «помогает» сделать выбор:

– Денис Анатольевич... – В его взгляде явно читается сомнение, что подчиненного в таком виде стоит показывать генералу. – Вы, сударь, вроде как – виновник торжества, посему разрешаю на службу явиться завтра поутру. Сегодня же препоручаю вашим заботам нашу очаровательную баронессу, с которой, несомненно, мы еще встретимся в самое ближайшее время... Мадам, примите еще раз мои глубочайшие извинения, надеюсь, наше знакомство не закончится сегодня вечером...

– Благодарю вас, господин капитан! – Пытаюсь подняться и встать в стойку смиренно, что со второй попытки вполне удастся.

– Господа, прошу поторопиться, его высокопревосходительство ждать не любит. – Адъютант с Валерием Антоновичем направляются к выходу, за ними, попрощавшись, следуют Дольский с корнетом, которого Анатолий на правах начальства прихватил с собой из вредности и на всякий случай. Ну-с, а мы продолжаем игру в кошки-мышки.

– Скажите, ваше сиятельство... Пардон, милая Аманда Леопольдовна, какая несправедливость судьбы заставила вас осчастливить своей неземной красотой сей прифронтной городишко? Неужели ваш муж настолько бессердечен, что отпустил такую хрупкую, нежную женщину одну?

А вот не всё вам вопросики задавать, придумайте чего-нибудь, мадам. И желательно – достаточно правдоподобное. Ага, глазки забежали, на лбу все свои морщинки в кучку собрала, сейчас услышим ненаучную фантастику... Да еще и с примесью пафоса...

– Видите ли, Денис Анатольевич, в такую суровую для Отчизны годину никто не должен оставаться в стороне и сидеть сложа руки. Каждый должен внести свою лепту, свой вклад в общее дело победы над врагом...

Ох, блин, сейчас расплачусь. Интересно, в какой же газетенке она понахваталась таких фразочек?..

– ...С началом этой жуткой войны мы с подругами вместо обыкновенных приемов стали устраивать небольшие дамские посиделки с представительницами общества Красного Креста, нарезали бинты, готовили перевязочные пакеты, компрессы, подарки для раненых. На днях вот пришлось самой сопровождать очередную партию для минских лазаретов – муж очень занят по службе, занимает ответственную должность в Департаменте...

Ну, сейчас расплачусь от умиления. В четыре струи... Актриса, что и говорить!.. И выражение личика – ну прям натурально сострадательное.

– Ах, Денис Анатольевич, если б вы только знали, как иной раз грустно и тоскливо одинокой женщине... – С этими словами баронесса включает завораживающе-обволакивающий взгляд, делая соответствующее выражение лица. – Так иной раз хочется почувствовать рядом крепкую мужскую руку, на которую слабая, беззащитная женщина может доверчиво опереться...

После таких слов ничего не остается, как сломя голову броситься на помощь.

– Бога ради, прекраснейшая Аманда Леопольдовна! Я буду бесконечно счастлив развеять вашу грусть и печаль! Одно только слово – и мы едем в Цну, где квартирует моя рота! Там оч-чень живописные места! Речка, лес, ночная тишина и прохлада...

– Вы разве не в Комаровке квартируете? – удивляется мадам.

– Нет, там у нас только склады и обоз... Нет, право же, едьте прямо сейчас! – Осталось только пустить слюни от переизбытка неприличных желаний. Типа клиент дошел до нужных кондиций...

– Я с огромным удовольствием приму ваше предложение, Денис Анатольевич... Но только не сегодня. – Дамочка вся подобралась, как кошка перед прыжком, так и сверлит взглядом.

Изображаю жуткое недоумение и напряженную работу мыслей в окончательно затуманенных алкоголем извилинах. Как так, мальчика лишают вкусного!.. Наверное, все изобразил правдиво, потому что, немного расслабившись и добавив в голос эротично-бархатные нотки, баронесса продолжает:

– Я обязательно побываю у вас в гостях... Но сегодня уже поздно... – Еще один взгляд, ставящий окончательный диагноз, затем она решается: – Как вы посмотрите на то, чтобы сменить обстановку на более уютную и конфиденциальную? Эта ночь так располагает к любви... Я знаю неподалеку одно местечко...

Она уже даже шифроваться перестает, не считает нужным ломать комедию перед напившимся придурком. А мы что? Мы на все согласные. Почти по Грибоедову:

Сейчас допью стакан,

И я – у ваших ног!

– Мадам, едем! Немедленно! Я прямо сгораю от нетерпения!.. Увидеть это маленькое уютное гнездышко, где нам никто не будет мешать, где мы останемся наедине!.. – Стараюсь выглядеть достаточно пьяным и страшно озабоченным сексуальным маньяком. – Ф-фисиант, счет!..

Очень скоро на столе появляется тарелочка с листком бумаги. Мельком заглядываю в цифры, достаю из бумажника и небрежно кидаю сверху несколько катеринок. Затем, поизучав пару секунд официанта нетрезвым взглядом, добавляю четвертной. Типа чаевые. Сумма заранее согласована с господами из Отдельного корпуса и, сильно подозреваю, даже с руководством ресторана...

Глава 4

Выйдя в вечернюю прохладу улицы, небрежным жестом подзываю одного из дежурных извозчиков, стоящих неподалеку. Помогаю усесться даме, затем вскарабкиваюсь в пролетку сам, предварительно промахиваясь первый раз мимо подножки. На традиционный вопрос лихача «куда?» звучит очень точный ответ:

– Гони по Подгорной...

Густые сумерки, поднятый кожаный верх «такси» и тусклые фонарики в одну свечу каждый – по бокам – давали прекрасную возможность продолжить

общение в более свободном и фривольном стиле. Ну, там за коленку потрогать якобы случайно или попытаться обнять. Соппротивление при этом было насквозь формальным и притворным. Отбиваясь от моих рук, мадам, игриво хихикая, «нечаянно» направляла их на более выпуклые и интересные части своего тела, при этом ее руки тоже не оставались без работы. Обшарила меня на предмет скрытого оружия она достаточно профессионально, только один раз, когда, проведя рукой по бедру, она наткнулась пальчиками на продолговатое утолщение в области ширинки, непроизвольно дернулась, но быстро взяла себя в руки и попыталась отшутиться:

– Ах, Денис Анатольевич!.. Теперь я, кажется, понимаю, насколько тяжело мужчинам на фронте!.. О-о-о!.. Ну, потерпите еще совсем немного... Мы почти приехали...

То, что до «гнездышка» осталось совсем немного, и так было понятно. Также понятно было и то, что на Старо-Виленскую, где нас ожидают остальные участники сегодняшнего банкета, мы, скорее всего, не попадаем. Город знаю хреново, но то, что поехали не туда, – и к бабке не ходи...

Расплатившись «красненькой» с извозчиком, захожу следом за баронессой в подъезд какого-то доходного дома. Насколько сумел рассмотреть – три этажа, не считая полуподвала. Заведение, скорее всего, для достаточно обеспеченной публики. На лестнице горят лампы, ничем антисанитарным не пахнет, чистенько и даже уютненько. Мадам, страстно схватив меня за руку, буквально втаскивает на второй этаж, останавливается перед правой дверью, достает из ридикюля ключи, отпирает замок и, войдя первой, приглашающе манит меня рукой, загадочно улыбаясь в тусклом свете керосинки. А, ну да, я же почти себя не контролирую и обуян только одной мыслью!.. Ломлюсь за дамочкой внутрь, делаю несколько шагов по коротенькому коридорчику, попадаю в небольшую комнату-холл, уже освещенную четырьмя свечами в канделябре, стоящем на комод у стены...

Сзади еле заметным движением воздуха ощущается движение, обернуться не успеваю, что-то твердое и очень похожее на ствол упирается под левую лопатку, два человека крепко подхватывают под локти, лишая свободы маневра...

– Не дергайся, офицерик... Стой смирно... – Судя по голосу, говорящий молод и весьма доволен собой. Особенно тем, как они поймали птичку в клетку.

Кобура расстегнута, наган уже на комод, слева на ремне появляется непривычная легкость, «Аннушка» тоже переселяется поближе к револьверу... Баронесса торжествующе усмехается, с видимым презрением глядя на алкаша в офицерской форме. Немного ей подыграем.

– Эт-та што такое?!. Как стоишь перед офицером, мрзавец!.. – Поворачиваюсь влево и неловко пытаюсь закатить оплеуху одному из новых персонажей – то ли мастеровому, то ли приказчику. Его правая рука занята стволом, но стрелять вряд ли будет. Я им нужен живым и относительно здоровым... Ох ты ж, тво-й-ю-ю... Однако «мастеровой» не новичок в драке... С левой без замаха так засадить под дых – опыт нужен, если не талант. Ноги подкашиваются, падаю на пол, скрючиваюсь и громко пытаюсь отдышаться. Надеюсь, хрипы и конвульсии позволят остаться незамеченной правой руке, которая уже залезла за брючный ремень и снимает «Апаш» со специальной петельки изнутри ширинки... Все, пальцы вдеты в кастет, рука вытягивается наружу...

– Ты его случайно не убил? – Баронесса подает голос. – Смотри, чтобы пол не заблевал. Мне он нужен живым... Придется переправить его на ту сторону. Поднимите его...

Оба конвоира опять цепляют меня за локти и переводят все еще съезжившуюся, обмякшую тушку в вертикальное положение. На ногах стоять трудно, поэтому меня тянет вперед, делаю судорожный шажок... Потом – толчок ногой, корпус уходит назад, локоть правой влетает под челюсть одному «вертухаю», который тут же ложится отдохнуть возле стены. Скручиваюсь против часовой стрелки, левой отвожу руку второго противника, правая с кастетом прилетает ему в печень. После чего он, сложившись наподобие перочинного ножа, оказывается на полу у другой стены. Легким движением руки кастет превращается в револьвер...

Мадам, очнувшись от ступора, ломится к комоду, где лежит мой наган, заранее, кстати, разряженный, и, наверное, что-то аналогичное в ее сумочке. Ее порыв останавливают сухой щелчок взведенного курка на «Апаше» и прозвучавшая, как шипение взбешенной гадюки, фраза:

– Замри, с-сука!..

Команда выполняется интуитивно, дамочка ошеломленно смотрит, даже не пытаюсь заговорить и, к примеру, выдать два тела на полу за посторонних грабителей. Дальше следует вовсе непонятная ей игра:

– Лицом к стене!.. Руки на стену!.. Шаг назад!.. Ноги расставить!.. – Вот теперь мадам в самой подходящей для разговора позе. Только разговаривать будем потом. Сейчас надо найти возможность обездвигнуть три враждебных организма и как-то связаться со своими. О, огромное спасибо тому человеку, который придумал украшать шторы витыми шнурами с кистями на концах!.. Дергаем за веревочку, окошко и открывается, в смысле, портьера вместе с карнизом падает вниз. Отщелкиваем клинок на «Апаше»... Блин, полезнейшая вещь, на все случаи жизни!.. Одно движение, и в руках около двух метров прочной витой бечевы... Делаем скользящую петлю, заводим ручки лжебаронессы за спину, связываем... А теперь – на пол мордочкой вниз. Извините, мадам, за некоторое неудобство, что поделать – война... Разрезаем шнуры, скидываем с дамочки ботинки, связываем щиколотки и внатяг приторачиваем ноги к рукам. Получается этакая «дама-качалка»... Что-то не в тему развеселился. Всё же не в БДСМ играем! Там еще два клиента в очереди дожидаются...

Нет, только один. У которого внезапный приступ печеночной колики начался. Пытается шарить ручками по полу, отыскивая свою пушку... На тебе с другой стороны по ребрам, полежи, отдохни. А я пока твоим напарником займусь... А, собственно, заниматься и нечем. Я, конечно, не хирург, но перелом шейных позвонков диагностировать могу. То ли когда ему локтем в горло засветил, то ли когда он своей башкой о стену тормозить пытался. Голова под тридцать градусов к плечам... Пульс не прощупывается... Значит, повезло, быстро отмучился. И спрашивать никто, кроме апостола Петра, ни о чем не будет. Хотя – нет, у него другой маршрут вырисовывается.

Теперь – последний. Второй шнур используем аналогично первому. Извини, дорогой, понимаю, что очень больно, но тебе тоже придется полежать в достаточно неудобной позе. Так же как и твоей хозяйке... Ага, вот и пистолетик нашелся. Обычный браунинг «номер два». Это мы с собой заберем. Как там в голливудских боевиках в таких случаях говорят?.. «Никуда не уходите, я скоро вернусь...»

Цепляю шашку на портупею, возвращаю наган на место. Что тут у мадам в сумочке?.. Пудреница, помада, платочек, всякая дамская ерунда... О, а вот и еще одно изделие старины Джона Мозеса Браунинга, в простонародье – «бэби-ган». Маленький такой пистолетик на четыре мелкашечных патрона. В руке прячется свободно. А на дистанции в пару-тройку шагов – вполне смертоубийственная штука. Будет теперь моим личным трофеем. Даже знаю, кому его подарю... Так, лирика – потом. Сейчас дело надо делать и работу работать.

Еще раз убеждаюсь, что тушки связаны на совесть и не смогут даже подползти друг к другу, отправляюсь искать единственного человека, который в данный момент может мне помочь, – местного дворника. Спускаюсь вниз, к дворницкой, из полумрака от стены отклеивается фигура и движется навстречу... Третий, которого на стреме оставили?.. Нет, успокаивающе подняв руку, ко мне подходит старый знакомый – ресторанный «хомяк».

– Еще раз мое почтение, Денис Анатольевич. Позвольте представиться: Кучумов Василий Иванович, сотрудник Департамента полиции. Вам помощь какая-нибудь требуется?

Ага, не Отдельный корпус, но близко к этому.

– Как вы здесь оказались, Василий Иванович? – Вовремя, однако, очень вовремя господин нарисовался.

– После вашего с мадам отъезда я, отпросившись, за вами помчался. Этот райончик знаю, были здесь дела еще до войны... Это – доходный дом господина Белье. Хозяин давно революционерам помогает. Здесь у него нелегальные сходки были на квартирах. Не удивлюсь, если и наша дама к социалистам отношение имеет самое непосредственное.

– Подождите, она же – германский агент, какие еще социалисты?

– Эх, господин подпоручик, послужили бы в нашем управлении, знали бы, что клубочек этот очень тесно переплетен. В нем все: и тайные агенты, и революционеры, и просто уголовники, и иная, не менее опасная публика. У кого, думаете, те же эсеры учились свои «экссы» проводить, оружие добывали? Сами, что ли, все придумывали?.. Квартирка-то, где вы были, на втором этаже справа находится? По нашему ведомству – за социал-демократами числится. Живут тут

частенько разные агитаторы, народ мутящие против войны да за германца выступающие... Вот так вот.

– Хорошо, Василий Иванович, давайте делом займемся. Потом поговорим, когда время будет.

– Согласен, Денис Анатольевич. Чем могу помочь?

– Там, наверху, двое пленных и один труп. Нужно их доставить жандармам.

– Сейчас дворника разбужу, он найдет пролетку. – Василий Иванович энергично стучит в дверь, из-за которой доносится громкий храп. – Фомич, проснись, запивашка!.. Вставай, кому сказал!.. Живо найди пролетку аль подводку какую!..

Дверь приоткрывается, из нее показывается всклокоченная голова с бородой, торчащей в разные стороны.

– Ой, Василь Иваныч пожаловали! Милости просим к нам-то!.. А хто ета с вами, Василь Иваныч? Никак ахвицер какой?.. Шо-та случилася?.. Пролетку?.. Эт-та мы мигом сделаем!..

Отправив дворника, поднимаемся наверх, в квартиру. Там все то же. Мадам лежит на полу, тщетно пытаюсь отлепить верхние конечности от нижних. Ее помощник уже оклемался, отдышался и смиренно ждет решения своей участи. Кучумов останавливается перед ним.

– Какие люди!.. Яша, ты ли это?.. Господин подпоручик, позвольте представить – Яков Михман, мой старый знакомец. Революционер, пламенный агитатор и член боевой бригады... Яшенька, тебя каким ветром сюда занесло? По камере соскучился? Тебе ж пять лет ссылки дали, чего убежал? В одном месте засвербело?..

– Ты, гнида старая! Погоди, сойдутся наши дорожки, поговорим... – «Мастерового» аж корежит от ненависти. – Найду я еще тебя, ой как пожалеешь!..

– Злобный ты человек, Яша, и крови на тебе много. Вот зачем молодого человека на смерть привел? – Василий Иванович показывает на труп. Только сейчас замечая, что вторым был молоденький студентик с длинными по-богемному волосами, этакий юноша бледный со взором... недавно горящим, а ныне потухшим.

Пока у них завязывается беседа, пойду – пообщаюсь с лжебаронессой, которая встречает мое появление ну очень злым взглядом.

– Извините, мадам, за некоторое неудобство вашего положения...

– Немедленно развяжите меня!.. Вы – негодяй и мерзавец, подпоручик!.. Как вы посмели сделать со мной такое?..

Возникает ощущение, что еще немного – и она начнет натурально плевать ядом.

– Я буду жаловаться!.. У меня обширные связи в верхах!.. Я этого так не оставлю!..

Присаживаюсь перед ней на корточки.

– Мадам, мы будем разговаривать или ругаться? Советую поберечь силы, они вам еще пригодятся.

– Как вы смеете так обращаться с дамой?!

– С каких пор обычная уличная проститутка Машка Цибульская стала благородной баронессой, а? Да еще и со связями, которые если и есть, то – только порочащие тех аристократических му... идиотов, которые имели неосторожность попользоваться тобой... В общем, расклад такой: либо ты всё рассказываешь сама, либо тебе будет помогать вся моя рота, но это – о-очень долго и о-очень неприятно...

В дверях появляется дворник с радостной вестью, что транспорт подан, можно грузиться и ехать. Перевязываю добычу, освобождая ноги и туго притягивая связанные руки к удавке на шее. Спускаемся по лестнице, впереди Фомич несет

труп студента, затем Василий Иванович конвоирует Яшу, и замыкаем шествие мы с мадам.

Дорога заняла не так уж много времени, скоро мы уже появляемся на Старо-Виленской, где нас поджидают Бойко с Дольским и коллеги из Корпуса жандармов и Департамента полиции. К Кучумову здесь все относятся правильно, значит, не подставной и можно больше его не контролировать...

Утром следующего дня нас посетил начальство в лице капитана Бойко в сопровождении ротмистра Колесникова, который и поделился радостными вестями о том, что «баронесса Вэльо» всю ночь пела, как соловей, да так, что еле успевали конспектировать.

– Мы, конечно, умеем развязывать языки, но в данном случае мадам была очень красноречива и без нашей помощи. Чем вы могли ее так испугать, Денис Анатольевич? В обмен на свою откровенность она взяла с нас обещание, что вы с ней никогда больше не встретитесь. Даже без зазрения совести сдала свою подругу Елену Невенгловскую, которая осуществляла аналогичную деятельность в Бобруйске. Мы уже отправили депешу тамошним коллегам.

– На прощанье всего лишь шепнул ей на ушко, что если будет врать или молчать, у меня под рукой всегда есть больше сотни парней, готовых с ней пообщаться самым привычным для нее способом. – Делюсь секретом мастерства и тут же понимаю, что немного перегнул палку. – Не смотрите на меня так, Иван Данилович. Для меня она всего лишь источник информации и агент противника, у которой на совести много загубленных жизней наших солдат. И, предвосхищая ваш вопрос, скажу, что если бы дело дошло до этого, своего решения менять бы не стал.

– Да нет, что вы, просто... немного непривычно слышать такую откровенность. – Колесников слегка отыгрывает назад. – Хотя после того, что рассказали ее подручные, удивляться не стоит... Кого же вы расстреляли у отхожего места, если не секрет?

– Одного из своих казаков... Разумеется, понарошку. Если они поверили, значит, спектакль удался.

– Да, более чем. Они поделились с нами своими впечатлениями... – Ротмистр заговорщицки улыбается. – Надеюсь, вы не будете против, если мы будем применять это в своей практике?

– Нет, что вы, лишь бы польза была. Если что – обращайтесь, придумаем еще что-нибудь.

– Ну что ж, от лица нашего ведомства мне поручено поблагодарить вас за помощь. К сожалению, более ничем поощрить не можем...

– Не беспокойтесь, Иван Данилович, я, кажется, знаю, что будет достойной наградой Денису Анатольевичу, – с многозначительной улыбкой прорезается доселе молчавший капитан Бойко. Ох как не нравится мне его тон!.. С таким выражением лица, наверное, объявляют приговоренному к смерти, что ужасный расстрел заменяется гуманным повешением.

– Тогда разрешите откланяться, господа. – Ротмистр пожимает наши руки и спешит дальше бороться со злом и искоренять его огнем и мечом...

Глава 5

Проводив «смежника», вместе с Валерием Антоновичем идем в канцелярию. По пути пытаюсь вспомнить, какие косяки были у нас за последние дни... Вроде все нормально, ну а вдруг?..

Удобно расположившись за столом, Бойко закуривает, демократично разрешает мне последовать его примеру, затем издали задает вопрос:

– Денис Анатольевич, скажите... Вы когда последний раз писали домой?.. В смысле, в Томск, родителям?..

Блин, вот еще проблема нарисовалась! Писал-то я только один раз, весной. Рассказал, что был контужен, поэтому пусть не обращают внимание на почерк и построение фраз, ну и прочее бла-бла-бла... Да и сам Валерий Антонович помогал упражняться в чистописании.

– Один раз. Да вы были в курсе этого письма... А что такое?

– А то, господин подпоручик, что получено письмо от вашей матушки, в котором она слезно умоляет сообщить ей судьбу сына, от которого нет весточки уже почти три месяца... Я, конечно, отправил официальный ответ, что вы находитесь в длительной командировке и непременно напишете домой, как только вернетесь... Денис Анатольевич, прокалываетесь на мелочах. Я понимаю, что голова постоянно занята другим, но ведь кому-то такое молчание может показаться странным и противоестественным. Не забывайте об этом... Теперь следующий вопрос. На днях у нас был разговор о вооружении вашего отряда. Было высказано много интересных идей, переведена кипа бумаги... А хоть один готовый чертеж вы можете показать начальству, которого снедает простое человеческое любопытство? Или все это осталось приятной беседой под водочку?

Блин, да у меня что, двести рук и двадцать пять часов в сутках, что ли?.. Ну, не до этого было, шпиёнскими делами занимался, причем в компании с господином капитаном. И он это прекрасно знает... Или хочет наехать на моих студентов?.. Зачем?.. Кого-то в городе поймали за непотребством?..

– Валерий Антонович, вы же знаете, какой в отряде напряженный распорядок дня. Тренировки, тренировки и тренировки, потом господа студиозусы еще и сами занятия проводят с бойцами. Начиная от подрывной подготовки и заканчивая грамматикой с арифметикой. Свободной минутки нет иной раз... Некогда им чертежи рисовать, дайте срок, чуть позже все будет исполнено!..

– Да?.. А у меня тут появилась возможность кого-нибудь из офицеров в командировку отправить на предмет договоренности о мелкосерийном и опытном производстве тех штучек, о которых говорилось. В Гомельские железнодорожные мастерские, туда эвакуировали много оборудования, станков, да и до этого оснащение было неплохим... Ну, раз чертежи не готовы... Что ж, отложим этот вопрос на будущее.

Появляется ощущение, что пропустил хороший такой удар под дых... Гомельские мастерские... Гомель... Гомель!.. ГОМЕЛЬ!! Там же Даша!! Валерий Антонович с ехидненькой такой улыбочкой, наверное, читает все мои мысли... Та-ак!!.. Где эти оболтусы, тунеядцы, лентяи и лодыри?! Целая вечность прошла после разговора, а у них не то что конь – слон не валялся!.. Сколько можно ждать!.. Сразу же

после обмывания-вливания поставил задачу!.. Объяснил, попросил подумать, посоветоваться, проконсультироваться и выдать чертежи!.. До сих пор, наверное, думают, растекаются мыслию по древу мироздания!.. Щаз я им включу турборежим, блин, ошпаренной кошки!..

– Денис Анатольевич, не надо делать такое зверское лицо, а то я начинаю опасаться за здоровье ваших подчиненных. – Капитан Бойко переходит на серьезный тон. – На фронте относительно тихо, мы строим эшелонированную оборону. Вопросы вызывает только стык с Десятой армией. Хочу послать туда несколько групп в поиск и за «языками». Кого посоветуете?

– Любую «пятерку» можно, все в хорошей форме... И, пользуясь случаем, можно наших новичков обкатать, Бера и Стефанова. Дать в подчинение по три-четыре группы, назначить участок километров в тридцать. Пусть разведанные обобщают и анализируют, заодно один-два раза на ту сторону сходят. Потренируются под присмотром более опытных товарищей. В случае крайней необходимости можно и Сергея Дмитриевича отправить, а на хозяйстве оставить штабс-капитана Волгина.

– Хорошо, я подумаю. Люди в отряде надежные, проверенные, думаю, должны справиться. – Начальство снова улыбается. – Поэтому могу отпустить вас на три-четыре дня. Не считая дороги. Управитесь?

Ну, это даже не вопрос, это – команда к немедленному действию! Полный вперед и аллюр «три креста»!

– Да, Валерий Антонович... И спасибо вам огромное!.. Чертежи будут представлены вечером.

– Ну-с, хорошо, я буду у себя в штабе...

Проводив Валерия Антоновича, несусь обратно в казарму. Оконные стекла еще не прекратили дребезжать от командирского вопля, а дневальный на сверхзвуковой скорости уже умчался разыскивать господ вольноперов, которые нарисовались через очень короткий промежуток времени, я даже папиросу докурить не успел.

– Ну, что, кузнечики, допрыгались?.. На поручения командира можно уже плевать через губу, да?.. Попросил сделать чертежи, и что?.. Где они?.. В ваших забитых неизвестно какими неприличными мыслями головах?..

– Денис Анатольевич, то, что можно было определить точно, мы в черновиках сделали, – спокойно докладывает Илья Буртасов, уже почти штатный адвокат этой троицы. – Два типа взрывателей, болванки под детонаторы, даже хвостовики для мин под ориентировочный диаметр сделали. А остальное – еще додумывать и обсуждать надо. Те же лафеты – их почти придумали, и с минометами вопросы остались.

Набираю сколько могу воздуха, чтобы на повышенной громкости раздраконить студиязусов, но потом сдуваюсь, как лопнувший шарик, и тихо почти прошу:

– Братцы, мне очень нужны чертежи к пяти вечера. То, что пока неясно, делайте набросками. Освобождаю от всего, ну, естественно, кроме обеда... Справитесь?

Студенты дружно кивают головами и уходят, удивленные внезапной срочностью и непривычно тихим поведением командира. Но теперь есть уверенность, что все будет выполнено в срок...

А нам пора подумать о другом. С пустыми-то руками нельзя!.. Вопрос первый: что купить в подарок? И тут же вопрос второй: сколько это все будет стоить?.. А на сладкое третий вопрос: кто может подсказать и посоветовать?.. Значит, что? Бежим к Дольскому за дружеским советом и помощью!

Анатолий, узнав о цели посещения, расплывается в улыбке, затем прочитывает целую лекцию о том, что прилично дарить барышням, а что – нет.

– Во-первых, Денис, ты должен определиться со статусом. В качестве кого ты собираешься что-то дарить... Насколько я понимаю, к мадемуазель Даше ты испытываешь самые серьезные чувства и намерения. Значит, тут возможны несколько вариантов. Для просто хорошей знакомой вполне могли бы подойти набор каких-нибудь открыток или книга в подарочном издании. В свое время одной барышне подарил «Ботанику для молодых девушек» с изумительными гравюрами Гранвилля. Но нам, то есть тебе, это не подойдет... Идем дальше. Можно сделать полезный подарок. Кстати, у тебя он уже есть – маленький браунинг. Только его нужно отчистить от пудры там или запаха духов...

- Знаю. Разберу, проверю, почищу, смажу. Единственное – не отстреляю. Патронов – всего четыре штуки.

- Ничего, калибр распространенный, найдем... Можно подарить отрез ткани или какие-нибудь модные кружева... По лицу вижу – не хочешь.

- Это как-то... Ну, не знаю, слишком по-купечески, просто и обыденно. Да и где я сейчас это найду?

- Найти-то можно, но вольному – воля... Да, твоя барышня, насколько помню, очень любит кофе. Я недавно видел в одном месте довольно изящный эмалевый ларчик с вложенными коробочками для кофе, заварки, ну и тому подобного. Как тебе такая мысль?

- Мысль хорошая. Расскажешь, где купить?

- Не только расскажу, но и покажу. Сейчас вместе поедем... Подожди, я не закончил. Самый твой главный подарок должен явно подчеркивать твои намерения. – Дольский с важным видом поднимает вверх указательный палец, призывая к вниманию. – Ювелирные украшения. Но не любые. Согласно правилам приличия незамужним девушкам носить что-то с бриллиантами – не комильфо.

- Ага, ты, друг мой, меня успокоил! И где ж я денег на них возьму?..

- Кстати, а у барышни часики есть?.. Не знаешь?

- Насколько я помню – нет, никогда не видел...

- Вот, мы почти добрались до нужного предмета. Маленькие золотые часы на цепочке, носят как кулончик!

- Только обязательно с секундной стрелкой. Она же у меня – почти доктор. Время засечь, пульс посчитать, ну и так далее.

– Молодец, соображаешь!.. Теперь последний вопрос. У тебя намерения серьезные. Но насколько?

– Ну, ты и вопросы задаешь, господин поручик! Самые-пресамые серьезные! Анатолий, скажу по секрету. Я ни на кого больше смотреть не могу. Никто глаз не цепляет... Так что самые что ни на есть серьезные.

– Тогда остается только одно. Кольцо для помолвки...

«М-дя! Где же мне печатный станок для денег взять? Или пойти ограбить банк?..»

Дольский читает мои мысли.

– Денис, сколько денег у тебя в наличии?

– Двести с хвостиком. Сэкономил в рейдах.

– Тогда беспокоиться нечего. Если ты так непреклонен в своем решении, будет у тебя кольцо. В приличном обществе принято, чтобы его стоимость составляла два-три месячных заработка жениха. Придется выложить где-то около ста пятидесяти целковых.

– А на остальное где денег набрать?

– А друзья у тебя на что? – Дольский удивленно-шутливо поднимает брови. – У меня три сотни в кубышке без дела лежат. Отдашь, когда сможешь... Только вот не надо лезть обниматься! Прибереги свой пыл для мадемуазель Даши!.. Ну, всё, всё, пусти!.. Медведь влюбленный, все ребра переломает!.. Собирайся давай, костолом, поедем к ювелиру...

Не скажу, что извозчик замучился катать нас по городу, – с оплатой обещали не покуситься, но подходящее колечко нашли только в четвертом по счету магазинчике. Тоненькое, изящное, с жемчужинкой в обрамлении двух ладоней, как бы держащих маленький перламутровый шарик. Последние опасения развеял сам хозяин магазина:

– Таки если господин офицер сомневаецца за размер, то пусть он глянет вот сюда. – Ювелир, закономерно гордясь своей сообразительностью, достает из-под прилавка гуттаперчевую женскую кисть и предлагает надеть кольцо на безымянный палец. – Неужели господин офицер не помнит, какие пальчики у евонной дамы?

Помню, конечно, как не помнить. Вроде бы подходит... Но сомнения всё же есть... Смотрю на Анатоля, тот разводит руками, мол, решай сам... Ну, хорошо...

– Хозяин, я его покупаю.

– Господин офицер не будет разочарован за кольцо, это я вам обещаю!..

Ювелир начинает «ездить по ушам», довольный состоявшейся продажей. Забираю бархатный футлярчик с колечком, отдаю деньги. Все, бумажник стал на сто пятьдесят четыре рублика легче... Да хватит кошмарить!.. Все будет хорошо и только хорошо!.. И никак иначе!..

Дальше едем к часовщикам. Там почти сразу нахожу то, что надо. Маленькие, не больше двух с половиной сантиметров в диаметре, золотые часики. На крышечке гравировкой и васильково-голубой эмалью изображена летящая бабочка... Тоненькая фигурная золотая цепочка... В общем, то, что надо! Отдаю деньги, прячу еще одну бархатную коробочку в карман. Часовщик клянется своей мамой и остальным самым дорогим ему в этой жизни, что никаких проблем с механизмом не возникнет.

Через двадцать минут мы стоим уже перед небольшой лавкой с гордой вывеской «Колоніальныя товары». Несмотря на миниатюрность, заведение больше ассоциируется с магазином. Открытые стеллажи с ровными рядами самых разнообразных коробочек, пакетиков, баночек-жестяночек и прочей мелочи, ненавязчивый запах кофе, пряностей и еще чего-то неопределяемого и от того еще более романтического. Разыгравшаяся фантазия рисует в голове картину солнечного тропического берега, старинного парусника, стоящего на якоре неподалеку, и оживленного торга-обмена между загорелыми аборигенами какой-нибудь Южной Бамбукии и моряками, меняющими простенькие железные ножи и стеклянные бусы на стручки ванили, перца, трубочки корицы и прочие ароматные штуковины. Приходится даже помотать головой, чтобы отогнать яркое видение, тем более что приказчик обслужил предыдущего покупателя и

готов к общению с нами.

– Любезный, нам нужен вот такой красивый ларчик, как у вас здесь на витрине, с маленькими коробочками для кофе, ну и другой всячины. Вкупе с содержимым. Только все должно быть отличного качества и не поддельным.

По этому поводу беспокоиться не стоит, Анатолю адрес дал Астафьев, а господа жандармы-то уж знают, где затариваться. Но фраза должна быть произнесена.

– А то тут слухи разные ходят.

– Ваше благородие, не извольте сомневаться. – Продавец не лебезит, держится с достоинством. – У нас в продаже только качественный товар. Вот-с, будьте любезны взглянуть. То, что вы просили. Ларец из луженой меди с замочком, в нем полдюжины коробочек того же материала с плотными крышечками. Снаружи расписаны миниатюрами на темы природы-с. Можно хранить самые различные продукты-с. Чай, кофе, сахар, разные пряности. Ежели желаете, можем-с подобрать по вашему вкусу, какой больше нравится.

Еще бы знать свой кофе!.. Самый вкусный и любимый – заваренный Дашей, только вот как она его варила и что добавляла – самый большой ее секрет. Ладно, пойдем другим путем.

– Давайте сделаем так. Две баночки доверху наполняете арабикой в зернах. – Когда-то где-то слышал, что так кофе хранится лучше, чем молотый. – В остальные... Какие пряности для этого напитка у вас есть?

– Позвольте-с порекомендовать ваниль, корицу, гвоздику. Это – самые популярные. Есть еще имбирь, мускатный орех, бадьян и кардамон-с.

– Давайте все. Так, чтобы в остальную тару поместились... А там будем экспериментировать.

Продавец ловко наполняет пакетики из пергаментной бумаги всем вышеперечисленным и раскладывает по коробочкам. Две минуты, и набор готов. Дав время для проверки, по моему кивку закрывает волшебной пахнущую шкатулку и кладет маленький ключик на крышку.

– И сколько просите, милейший?

Тут же начинается игра «ловкость рук против остроты глаз», треск костяшек на счетах напоминает длинную очередь из станкача.

– Вот, извольте-с, господа! Двадцать два рублика семьдесят три копейки.

О как! По цене – как родной наган. В довоенных ценах. Но кофе гораздо вкуснее!..

Пока возвращаемся на базу, Дольский негромко, чтобы не слышал водитель кобылы, продолжает лекцию:

– Вообще-то, ты – везунчик, Денис. Во-первых, нашел такую прекрасную девушку... Не ревнуй, я как друг говорю... А то еще с кулаками сейчас полезешь!.. Во-вторых, еще несколько лет назад, чтобы жениться, ты должен был бы представить «реверс». – Видя мое непонимание тезиса, Анатолий поясняет: – Это – определенная сумма, необходимая для содержания семьи на должном уровне, поскольку считается, что офицер посвятил свою жизнь защите Отечества, а не зарабатыванию денег.

– И сколько же нужно было иметь пенёнтов?

– Десять тысяч рублей. Без них – о свадьбе даже и не помышляли. Разве что жили в гражданском браке до двадцативосьмилетнего возраста, но дети только недавно стали считаться законнорожденными... Кроме того, для того, чтобы жениться, годовой доход офицера должен был составлять тысячу двести рублей. А наше жалованье ты сам знаешь. Иные квалифицированные рабочие на заводах примерно так же зарабатывают... Так, о чем это я?.. Да, в-третьих, твоя Дарья Александровна из хорошей семьи, так что за решением офицерского собрания дело не станет.

– Не понял!.. Какое отношение к моей Даше имеет собрание господ офицеров?.. Нет, я уважаю боевых товарищей, но если они сочтут, что невеста недостойна стать моей женой, свадьбы не будет?..

– Угадал! Командир подписывает ходатайство о разрешении брака только на основании решения собрания.

– Так что, если стороны не сойдутся во мнениях...

– То офицер должен уволиться со службы или перевестись в другой полк, но там может произойти то же самое...

* * *

Капитан Бойко, видимо, желая по-садиistically поиздеваться над подчиненным, долго и нудно разбирал все представленные чертежи, время от времени требуя пояснений. Хотел, наверное, проверить мою компетентность в предстоящей поездке. Ну, так и мы не дураками здесь работаем. Все, что касалось технической стороны вопроса, было обсуждено еще днем с штабс-капитаном Волгиным, который возглавил «Особое техбюро», и со студентами. Так что в данном вопросе лично у меня неясностей не было.

Закончив, наконец, с бумажной волокитой, Валерий Антонович быстренько провел предвыездной инструктаж:

– По прибытии в Гомель остановитесь в гостинице, в «Савое» например, недавно открывшемся, в газетах пишут – со всеми возможными удобствами. Искать мебелишки времени да, я думаю, и желания у вас не будет. Нанесете визит коменданту гарнизона – и в жандармское управление, оставите там сведения, где вас найти в экстренном случае. – Видя мою гримасу, поясняет: – Вполне возможно, придется срочно вызывать обратно. Днем циркулярно Ставка сообщила неприятные новости. По последним разведанным, германцы накапливают силы против наших северных соседей – Пятой и Десятой армий. Не исключено, решатся наступать. И вы, Денис Анатольевич, будете нужны мне здесь. Обратно отправитесь по броне тех самых господ-смежников, которых недолюбливаете, причем совершенно зря. Кстати, туда поедете тоже не без их помощи и не самым плохим манером. Завтра в восемь с чем-то отправится поезд на Гомель через Бобруйск и Жлобин. Вы едете в миксте вторым классом. Потом скажете спасибо Астафьеву – его заслуга.

– Валерий Антонович, я их не недолюблю. Просто можно было бы делать свою работу немного эффективней, а они там сопли жуют... Хотя – это взгляд со стороны, могу многого и не знать.

– Вот-вот, господин подпоручик. Лучше займитесь полезной самокритикой, чем, как вы говорите, «наезжать» на других... Далее, постарайтесь толково объяснить все начальнику мастерских, проявите гибкость и дипломатичность... Предписание получите, но для путейцев оно – не более чем бумажка. Особенно сейчас, когда Земгор подминает всех под себя. Поэтому не надо расстреливать, закапывать заживо в землю и ломать руки-ноги за одно неосторожное слово какого-нибудь коллежского регистратора. Пяти дней вам, надеюсь, хватит для решения всех дел?.. И личных – тоже?.. Хорошо, жду вас через неделю здесь с докладом.

Закончив с официальной частью, господин капитан многозначительно и хитро улыбается. Значит, сейчас начнется вторая серия опускания ниже плинтуса... М-да, я не ошибся. К сожалению...

– Кстати, о личных делах, Денис Анатольевич. Заранее прошу извинить, что вмешиваюсь, но... Зная вас и ваше отношение к некоей барышне... могу предположить с большой долей вероятности, что вам предстоит знакомство с ее родителями... Как вы к этому относитесь?

– Валерий Антонович, отношусь к сему положительно и даже с радостью. У вас были сомнения на этот счет? По-моему, я не давал ни малейшего повода заподозрить себя в кобелизме.

– Вот этого я и опасался! – Капитан Бойко огорченно вздыхает. – Дело не в том, что я подозреваю вас в некоторой легкомысленности по отношению к дамам, совсем нет. Просто есть некоторые правила, писанные и нет, которые необходимо соблюдать воспитанному человеку. И, боюсь, вы их не совсем знаете и понимаете... В этом, собственно, большая часть вины – на мне... Надо было раньше подумать о вашем просвещении в данном вопросе. Так что прошу извинить... Но вопрос сейчас в другом. Само собой, вы уже приготовили подарки вашей барышне. А как с ее родителями?.. Если возникнет ситуация, когда она захочет познакомить вас с папой и мамой?.. Вы откажетесь или пойдете с пустыми руками? А, господин подпоручик?..

М-да, поймал плюху во все ухо... Честно говоря, и не думал об этом. А вот надо было... И у того же Валерия Антоновича самому поспрашивать.

– Разумеется, пойду знакомиться, господин капитан. И перед этим постараюсь узнать у Даши, какие подарки понравятся ее родителям... Что-то опять не так?

– Нет, вы, конечно, можете поступить и таким способом... Но Гомель – все же не губернский город, как Минск с его возможностями... И еще вопрос: что вы знаете о родителях сей барышни?

– Да ничего особенного. Об этом мы как-то не говорили...

– Отец – служащий железнодорожных мастерских... Не надо, господин поручик, на меня такими глазами смотреть... Я вам не предлагаю ничего предосудительного, просто есть одна вещица, которая ему может очень понравиться. Если, конечно, до сих пор он ее не приобрел...

Капитан Бойко открывает сейф и достает оттуда небольшую книгу толщиной в два-три пальца, в красном переплете. Передает ее мне, дабы я ознакомился с ценным раритетом. Берем и читаем: «DES INGENIEURS TASCHEBUCH HERAUSGEGEBEN VOM AKADEMISCHEN VEREIN H?TTE, E. V.». Что в переводе на великий и могучий означает «Справочная книга для инженера», выпущена «Академическим обществом Хютте», восьмое издание.

– Валерий Антонович, вы считаете это хорошим подарком? Тем более здесь только второй том.

– Денис Анатольевич! – господин капитан говорит с интонацией гувернера, который в тысячу неизвестно какой раз объясняет несмысленшу в подгузнике прописные истины. – Хютте – самый полный и точный справочник по всем существующим разделам физики и механики. Тут собраны абсолютно все формулы, графики, таблицы. Для инженера – незаменимая настольная книга... Так что настоятельно рекомендую для подарка. Даже если у господина путейца уже есть экземпляр, этот лишним не будет.

– Откуда она у вас, Валерий Антонович?

– К ее появлению, между прочим, вы, господин партизан, сами ручку приложили. – Довольный произведенным эффектом, Бойко объясняет: – Сия книжица была в портфеле одного небезызвестного вам оберст-лётнанта. Мы ее проверили на предмет тайнописи и принадлежности к шифровальным книгам, но ничего не обнаружили. А сам владелец объяснял ее появление просьбой какого-то инженера Лютвица из штаба, дабы тот мог получше рассчитывать нагрузку на железнодорожное полотно при переброске войск и имущества. Так что берите, не пожалеете... А вот подарок для маман будете искать сами. Единственное, чем могу помочь, сообщу, что дама играет на фортепиано и очень любит романсы. Кстати, очень неплохой букинистический магазинчик находится на Подгорной, в нескольких кварталах от штаба фронта. Учитывая близость фронта, многие уезжают и, возможно, распродают свои библиотеки.

– Господин капитан!..

– Идите, Ромео!.. Потом зайдете за командировочными.

Лечу к двери, но вдруг резко торможу и оборачиваюсь к капитану Бойко.

– Валерий Антонович, разрешите последний вопрос... Откуда вы знаете такие подробности о Дашиных родителях?

– Дело в том, Денис Анатольевич, что после того знаменательного разговора мы с доктором Голубевым решили получше узнать о тех, кто вас окружает. Михаил Николаевич и рассказал все, что знал о родителях Даши с ее слов. Я удовлетворил ваше любопытство?.. Тогда более не задерживаю, поторопитесь...

Глава 6

Пользуясь приказом-рекомендацией поторопиться, быстренько уматываю на лихаче в тот самый букинистический магазинчик, где практически сразу на глаза попадается сборник «Мой костер» за нынешний тысяча девятьсот пятнадцатый год, с тремя десятками романсов и песен. Будем надеяться, что подарок хоть сразу не выкинут. Что-то мне подсказывает, что с будущей вероятной тещей будут некоторые трудности в общении... Ладно, поживем –

увидим.

Повидавшись в третий раз с капитаном Бойко, получаю от него командировочные и «подкупные» для господ путейцев вместе с напутствием, что, мол, деньги из фонда разведотдела, строгой отчетности не подлежат, но все равно, Денис Анатольевич, постарайтесь уложиться в указанную сумму и добиться результата. В общем, добравшись до казармы, первым делом добавляю в бумажник к полученным купюрам еще пару тысяч из «секретного» фонда, выуженных из сейфа. Так, на всякий случай. Который, как известно, бывает разным. Затем начинаю собираться в путь-дорогу.

Пакуем чемодан. Хорошо, что он у меня не такой уж и большой, до «мечты оккупанта» не дотянул пока. Так, сначала всякая хурда, типа дорожный набор джентльмена. Ну, там, переодеться-переобуться, помыться-побриться. Сверху – папочку с чертежами, справочник Хютте и сборник романсов... Бархатные коробочки поедут в потайном кармашке, забраться туда всяким посторонним карманникам будет ну очень опасно для жизни и неприятно для здоровья... Что еще?.. Ларчик с кофейком и пряностями... Ага, вопрос дня! Что цепляем на ремень: наган или люгер?.. Немец, конечно, выглядит солидней, да и рука к нему давно привыкла. Но есть вероятность нарваться на какого-нибудь ура-патриота с большими погонами и потом долго ему объяснять, что удобно, а что патриотично. Тем более что издеваться над различными частями тела оппонента Валерий Антонович запретил... А вот мы возьмем и то, и другое. Парабеллум – на пояс, кобуру с наганом – в чемодан... Форма готова, сапоги надраены, чтобы с утра надеть их на свежую голову, осталось разобраться с пистолетиком. Где он у нас там?..

Отжимаем защелку, достаем магазин... И сразу имеем два сюрприза. Во-первых, он не на четыре, как наивно полагал, а на целых шесть патронов, просто двух не хватает. А во-вторых, не особо патрончики похожи на привычные мне мелкашечные. Чуть потолще будут на ощупь, капсуль центрального боя, и, главное, пульки-то – оболочечные, а не свинцовое литье... Интересненько!..

Далее следует небольшая логическая игра на тему разборки-сборки неизвестного девайса, причем, что особенно порадовало, лишних деталей после окончания цикла не осталось. Да, в принципе, операции – почти как с макарычем, только скобу не оттягивать, затворную раму предохранителем на задержку поставить, ствол повернуть на девяносто, да ударник с пружиной не потерять... Ага, а вот и объяснение патрончикам. Скобу на стволике CAL.6 m/m35

выбито...

Еще раз разбираем, все тщательно чистим, смазываем, собираем... М-да, предыдущая владелица за своей игрушкой особо не следила. Носовой платок весь в черных пятнах после чистки. Ну ничего, теперь у тебя, малыш, появится новая хозяйка, которая будет тебя беречь и содержать в чистоте. А ты будешь ее защищать, если твоих старших братьев люгерыча да наганыча, да и сестрички «Аннушки» рядом не окажется...

Вечером, перед самым отбоем у меня появляются гости, точнее, один гость. В дверь тихонько скребутся, затем появляется хитрая мордашка Данилки, который, появившись полностью, вытягивается по строевой стойке и звенит своим голоском на полказармы:

- Дзяденьку камандзир, дазвольце абратицца!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Простите (фр.).

2

Я прошу вас... (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/zurkov_igor/sluzhu-prestolu-i-otechestvu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)